АЛЕКСЕЕВ

ДВА ГОДА БОРЬБЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТОТДЕЛ УЛЬЯНОВСКОГО ГУБКОМА ВКП(б)

В. Н. АЛЕКСЕЕВ

1917

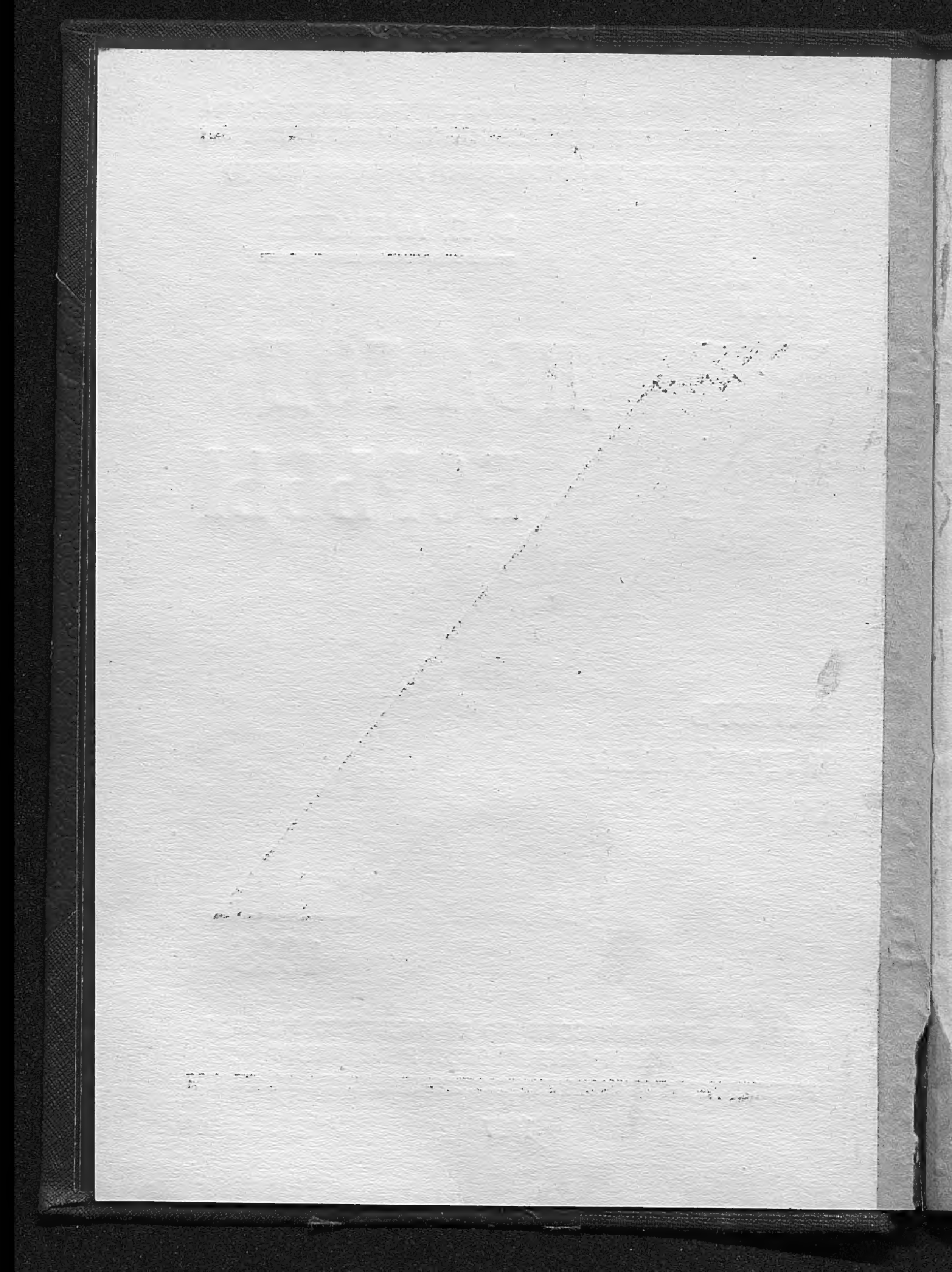
ДВА ГОДА БОРЬБЫ

ОКТЯБРЬ
И ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА

1918

ИЗДАНИЕ ГУБКОМИССИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ЮБИЛЕЯ
10-ТИ-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1927

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТОТДЕЛ УЛЬЯНОВСКОГО ГУБКОМА ВКП(б)

В. Н. АЛЕКСЕЕВ

X

ДВА ГОДА БОРЬБЫ

ОКТЯБРЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ГУБЕРНИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. Ф. РЫБОЧКИНА И М. И. ДЕВИЧЕНСКОГО
С ПРЕДИСЛОВИЕМ А. ШВЕРА

ИЗДАНИЕ ГУБКОМИССИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ЮБИЛЕЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
УЛЬЯНОВСК 1927

Ульяновск, Типо-литогр. № 1-й
Коммун. Треста—5471—27.
Тираж 2000.
Гублит № 1825.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Нельзя самым горячим образом не приветствовать выход этой брошюры, как первую попытку более-менее исчерпывающе и систематически подвести итоги двухлетней борьбы за Советскую власть в Ульяновской губернии.

Однако, будет глубоко ошибочно видеть только в этом заслугу ее автора.

Второе несомненное достоинство брошюры заключается в том, что в ней приведено много новых документов, впервые появившихся в печати.

Это тем более ценно, что от этих лет—лет бури и натиска, вещественных, так сказать, доказательств, осталось очень немного и несомненно нужно было положить большой труд, чтоб их разыскать.

С этой точки зрения вполне уместны и ценны вводные главы, в которых автор на основе точных данных знакомит читателя с положением рабочих и крестьян во время войны и в дооктябрьский период.

Автор, несмотря на полную об'ективность изложения, сумел избегнуть сухости. Брошюра читается легко и с неослабляемым вниманием.

Приходится только сожалеть, что в первой половине своего труда, автор недостаточно ярко обрисовал роль коммунистической партии, а также „работу“ с—эров, меньшевиков и прочих прихвостней буржуазии.

Совершенно правильно, что первый большевистский комитет был избран 15 сентября 1927 года, но это не значит, что партия до этого не вела работы в тогдашнем Симбирске.

Еще в апреле месяце создалась инициативная группа (Гимов, Никитин, Сухов, Фрейман Н. П., Швер и др.), которая входила в об'единенную социал-демократическую организацию, ведя в тоже время самостоятельную четкую большевистскую линию.

Между прочим, тогда к большевикам примыкали агрономы Елизаров, Устюгов и Кабанов, вскоре отошедшие от всякой политической деятельности. Нельзя скрывать, что большевистская группа была слаба и немногочисленна, но тем не менее она взяла правильный курс на профсоюзы, где вскоре сумела завоевать за собой большинство.

Недостаточно автор остановился на роли Сызрани, где вначале революция была сравнительно очень сильная большевистская организация, имевшая даже свою газету.

Так-же автор не коснулся предательской роли „социалистов“ типа Чебоксарова, Кузнецова, Охотина, Титова, Алмазова, Краснова и др.

Так-же слишком торопится автор приклеивать ярлык революционности к так называемым революционным комитетам, образовавшимся во времена корниловщины и во времена „солдатского бунта“: революционности в этих

„революционных комитетах“ было на ломаный грош, так как они почти поголовно состояли из соглашателей.

Первый действительный революционный комитет был создан после 10 декабря, в который входили три большевика (Гимов, Першан и Швер), один левый эс-эр (Петров) и эс-эр максималист (Ямартин). Оба последние вскоре вступили в нашу партию.

Еще одно последнее заключение, которое хотелось бы сделать, это то, что в брошюре упоминают мимоходом, или совсем отсутствуют фамилии товарищей, так или иначе отдавших свою жизнь на дело революции. Сюда прежде всего относятся расстрелянные и замученные белогвардейцами тт. Новиков, Крылов, Белов, Маторин, Гладышев, Баджин, и умершие тт.: Гимов, Никитин, Пеньевский, Олейник, Варейкис II.

Симеиз 26/VIII—24.

А. Швер.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Прошло десять лет—и много и мало.

Мало потому, что еще не завершено великое дело пролетариата, еще не достроено многоэтажное здание социализма,—но строится...

От фундамента, заложенного десять лет назад, ушли вон куда—далеко!

Итоги, которые мы можем подвести сейчас, и внушительны, и поучительны, и радостны.

Промышленность, сельское хозяйство, уже вот вот перешагнут ту первую мету, на пути нашего строительства, на которой надпись—„довоенная“.

Перешагнут—это бесспорно...

А разве сейчас не перешагнули, разве наша деревня раньше видела трактор, который теперь входит в быт, в плоть и кровь нашей деревенской жизни...

А разве раньше видели сызранские рабочие что либо подобное Сызранстрою? Нет, не видели.

Так всюду, культурное строительство, лечебное дело, просвещение, школы, дворцы книги, музеи,—все это итоги первого десятилетия...

Десятилетия, в которое было больше дней разрушения, кровавой борьбы, жестоких лишений, голода,

холода и очень мало, дней строительства, полного или относительного благополучия—мирного труда...

Те события, о которых речь ниже, набросанные бегло, сжато, схематично,—только кусочек великой эпохи Октября *).

Два года борьбы. Сколько за это время пережито потрясений, сколько ярких радостных дней, сколько кровавых и жестоких уроков.

Когда горсточке большевиков, приходилось с величайшими трудностями вести работу, организовывать сплачивать вокруг боевые ряды рабочих, сплачивать и вести в бой, терпеть поражения, отступать, потом снова бросаться на врага.

Когда небольшим отрядом Красной армии, пришлось вступать в бой с бесчисленными врагами, и бить этих врагов—бить—несмотря на их превосходство. Побеждать, тогда когда победа казалась немыслимой, невозможной...

Тогда, когда кругом ревел ураган борьбы и единственный лозунг был—победить или умереть.

---

*) Эпоха, охваченная настоящим очерком, конечно, не освещена достаточно полно. Многие события, многие организации не отображены достаточно полно, хотя их место в революции требует этого. В отношении некоторых это сделано потому, что предполагается выпустить самостоятельные о них очерки, например, по истории большевистской организации, профсоюзов, военного строительства и т. д.

Источниками, которыми пришлось пользоваться, служили: архивные фонды Губархбюро, материалы Истпарта из Музея Революции и газеты: за 1917 г.—„Симбирское Слово", „Симбирянин", „Народная Газета", журналы: „Симбирский Рабочий" и „Ткач".

За 1918 год—„Известия Совета" и белая печать.

И умирали, умирали на подступах к белому Симбирску, на фронтах тут, у родных сел и фабрик, на нескошенных, неубранных полях у Отрады, Погребов, Тетюш, Буинска, Майны, Охотничьей...

Умирали на улицах белого города, растерзанные озверелым, кровожадным врагом, с величайшей твердостью, зная, за что и во имя чего...

На смену им, ушедшим, растерзанным, скошенным пулями, разорванным снарядами, являлись новые тысячи.

Как снежный ком росла армия трудящихся.

Поражения, жестокость буржуазии, предательство „социалистов"—были хорошими уроками, внесшими в ряды бойцов не разложение, не дряблость, а стойкость и сплоченность.

Лишения, непрерывная борьба, только ускорили развязку.

И на полях, на фабриках, в городах и селах труд запел победную песнь.

Запел под гул еще не смолкших там, за рубежами губернии, орудийных раскатов.

И эта песнь все усиливаясь и усиливаясь, через преграды, через тупики,—сквозь вражьи баррикады, рвалась в замерзшие здания, выжженные поля, оживляла, возрождала их и переходила в мощную симфонию социалистического строительства.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ.

ГЛАВА I-я.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ К НАЧАЛУ ВОЙНЫ.

Промышленность губернии к началу империалистической войны и, можно сказать, к моменту революции (т. к. за эти три года существенных изменений в этой области не произошло), можно разбить на три группы: 1) предприятия, работавшие на привозном сырье—суконные фабрики; 2) предприятия, обрабатывающие местное сырье, главным образом, продукты сельского хозяйства, мелкие пром. предприятия и 3) предприятия кустарного типа.

Промышленных предприятий в 1914 г. в губернии было: суконных фабрик 16, с числом рабочих 10.272 ч., с производительностью в 8.132.000 руб. *)

Писчебумажных 4, с числом рабочих 360 человек, с производительностью в 228.000 руб.

Лесопильных заводов 64, с числом рабочих 1917 ч., с производительностью 2.503.000 руб.

Мыловаренных заводов 8, с числом рабочих 62 чел., производит. около 65.000 руб.

Кирпичных заводов 402, с числом рабочих 1475 ч., с производительностью 263.000 руб.

Чугунно и медно-литейных заводов 6, с числом рабочих 82, с производительностью 57.000 руб.

Кузнечно-слесарных 34, с числом рабочих 613, с производительностью в 181.000 руб.

---

*) В 1909 г. было 18 суконных фабрик с производительностью 6,095.297 руб. при 14531 рабочих.

Асфальтовые 7, с числом рабочих 368, с производительностью 1.379.000 руб.

Мельниц-мукомолок (мелких) 3.320, с числом рачих 4.716 человек, с производительностью в 600.029 р.

Кроме того, 103 крупных мукомольных мельницы с 733 рабочими и производительностью около 1.500.000 р.

Винокуренные заводы 58, с числом рабочих 1.338 человек, с производительностью 1.471.000 руб. (около $1^{1}/_{2}$ мил. ведер.)

Крахмало-паточных 29, с производительностью 102.000 р. и разных мелких производств 1558—с числом рабочих около 3.000 чел. (например: сыроваренные, крупо-обдирочные, кожевенные, маслобойные и другие кустарные производства), с общей производительностью около миллиона рублей. *)

Такова, примерно, картина состояния губернской промышленности вместе с кустарными предприятиями, к моменту революции.

Главная база всей промышленности, как мы видим, это текстильные фабрики, в которых было занято до 50% всего количества рабочей силы.

Большинство рабочих, занятых в промышленных предприятиях губернии,—это крестьянство, уходившее на отхожие промыслы и не порывавшие связи с землей. Собственно рабочего населения было не более 30-40%.

Заработная плата в начале войны на предприятиях суконной промышленности в среднем была от 75 к. до 1 р. 50 к. в день. Постепенное повышение зарплаты далеко отставало от роста цен на продукты широкого потребления. В сравнении с довоенным временем зарплата значительно поднялась (приблизительно на 30—40%), но дороговизной это повышение сводилось к нулю.

---

*) Кроме того, были цементный и химический заводы Губ. Земства с числом рабочих 450 чел.

В это время производительность предприятий при официально установленном $11^1/_2$ часовом рабочем дне, (фактически рабочий день был больше, до 12 и 13 часов) росла с каждым днем.

Военные заказы давали огромные оборотные средства предприятиям, спешность в выполнении заказов заставляла промышленников нажимать на рабочую силу, а не на расширение производства.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Сельское хозяйство, как земледельческой по преимуществу губернии, в общей системе занимало и занимает сейчас первое место: общая площадь удобных земель в губернии равнялась 4.181.780 десятин. Земли сельско-хозяйственного значения из того числа составляли: усадьба 127,533 дес. или 3,0%, пашня—2.352.532 дес. или 56,2%, покос 221.895 дес. или 5,3%, выгон 155.000 дес. или 3,7%, всего же земель сельско-хозяйственного значения в губернии насчитывалось 2 856.960 дес. (68,2%); остальная площадь удобной земли, составлявшая 1.324.820 дес. (31,8%), лесные пространства.*).

Распределение земли по категориям, по данным на 1916 год, было таково:

Категории владения.	Всего в губернии.
1. Крестьянский надел	1.673.973,0
2. Крестьянские купчие земли:	
а) сельско-общественные	109.16 ,0
б) товарищеские	181.473,4
в) единоличн. владельческие	310.551,9
Итого	2.275.158,6

*) Н. Воробьев. Аграрный вопрос в Симб. губ. 1917 г.

Категории владения.	Всего в губернии.
3. Земли дворян	510.635,3
4. „ прочих частных владельцев	243.894,4
5. „ казенные	133.555,6
6. „ удельные	835.243,0
7. „ церковные и монастырские	32.699,8
8. „ городские	36.465,3
9. „ крестьянские Позем. Банка	109.489,1
10. „ общественных учреждений	4 639,2
Всего	4.181.780,3

Как мы видим из этой таблицы, из двух третей удобной земли больше половины принадлежало частновладельческим хозяйствам, помещикам, отрубникам, мощным кулацким хозяйствам, а также различным организациям, находившимся под покровительством царского правительства,—церковные наделы и др.

По количеству земли, крестьянские хозяйства распределялись таким образом:

Безземельные хозяйства	18.778	хоз.	или 6,6%.
Владеющие землею до 5 дес.	115.080	„	„ 40,3%.
„ от 5 до 10 „	96.960	„	„ 33,9%.
„ от 10 до 20 „	44.336	„	„ 15,6%.
„ от 20 до 30 „	7.306	„	„ 2,6%.
„ от 30 до 50 „	2.403	„	„ 08%.
„ более 50 „	632	„	„ 0,2%.

Таким образом малоземельных и безземельных крестьянских хозяйств было около 50%, т. е. половина всех крестьянских хозяйств губернии.

Если мы посмотрим одновременно на размеры площади частновладельческих хозяйств, то тут картина меняется—помещичьи хозяйства нашей губернии были в большинстве многоземельными, владеющими лучшими земельными наделами, богатейшими лесными массивами и др. богатствами. Более 500 помещиков владели количеством земли, превышающим 1000 десятин.

Орлов-Давыдов имел 150.000 десятин земли.

Не менее мощными были и другие имения—Толстой, Белякова и прочих крупных „потомственных" помещиков. По размерам стоимости продукции (доходности) хозяйств они распределялись таким образом:

Надельные земли с площадью 1.670.818 десятин давали продукции на 2.724.590 руб.

Частновладельческие с площадью в 1.388.343 дес. давали продукции—дохода 1.824.007 руб.

Земли ведомств и учреждений с площадью в 1.009.902 десятин с доходом в 1.875.781 руб.

Отсюда мы видим, что продукция всех крестьянских хозяйств почти равна была продукции только частновладельческих земель, не считая удельных и церковных.

Общая доходность по всем 8 уездам губернии равнялась в 1914 г. 6.424.378 руб.*)

Особенно резкое различие в соотношении хозяйств мы замечаем во время войны, с одной стороны—все большее и большее обнищание малоземельных хозяйств, с другой беспощадная эксплоатация безземельных и малоземельных помещиками за счет оскудения крестьянских хозяйств крестьян, строивших свое благополучие.

Этот перевес на чашке весов аграрных отношений своим результатом имел с первых же дней революции неудержимый поток крестьянских волнений, которые задолго до Октября во многих местах уничтожали, истребляли все частновладельческие помещичьи хозяйства.

---

*) Сведения взяты из статист. „Ежегодника" за 1914 г.

ГЛАВА II.

НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Предшествовавшие революции месяцы, как и всюду, в Симбирске характеризуются крайним экономическим кризисом и истощением.

Затянувшаяся война вызывала все больше и больше недовольства в массах крестьянского и рабочего населения. Недовольство это подчас выражалось в виде открытого протеста и вспышек возмущения. Верно организованного движения против войны не было.

Рабочие фабрик после начала войны,— взятые на учет жандармерии, находились под беспрерывной слежкой.

Работа на оборону создавала привилегированное положение для промышленников, которые подрабатывая на войне, зажимали в тисках рабочих. Отсутствие всяких трудовых норм, регулирования оплаты труда—все это, конечно особенно присуще военной эпохе.

Но, несмотря на репрессии, режим сыска, жандармского застенка и экономическаго гнета, недовольство и протест подчас все-же прорывались наружу. *Так в июле месяце 1915 года, в Сенгилее, во время призыва запасных, вспыхнули беспорядки на почве нежелания идти в армию, в результате которых произошло вооруженное столкновение. По данным окружных (Казанский военный округ) властей, за восстание запасных в Сенгилее, военно-полевым судом, выезжавшим на место беспорядков, было вынесено два смертных приговора и 10 чел. были сосланы на каторжные работы.*

Это было не первое и не последнее открытое волнение.

Каждый новый призыв вел за собой волну недовольства среди рабочих и крестьянского населения. Война, конца которой не предвиделось, а цели становились все ясней и ясней, не могла не вызывать протест.

Осень 1915 и лето 1916 года ознаменовались рядом беспорядков и выступлений призываемых в Ардатове на станции Инза, в Алатыре и других пунктах губернии,

С ростом дороговизны, с обострением продовольственного кризиса „внешнее“ равновесие стало сменяться все более и более сильным брожением в массах.

Конечно, „власти“ достаточно бдительно следили за проявлением „крамолы“ и спешили всячески уничтожить всякую возможность организованных выступлений.

В сводке отчета о политическом положении губернии осенью 1916 г. губернатор писал:

„как общий вывод являются невольно такие мысли: решительные действия на фронте не исключают столь же решительных мер и в тылу, внутри матушки-России. Я не считаю себя вправе умолчать о настроениях населения, в связи с все возрастающей дороговизной и даже иногда полным отсутствием предметов первой необходимости. С этой точки зрения спокойствие населения в провинции приходится ценить низким баллом.

Ряд имевших уже место в Поволжьи „голодных бунтов“, как не об‘ясняя и не закрывая глаза на суровую действительность, приходится называть — беспорядки на почве нехватки продуктов, коснулся уже и Симбирска.

Не замалчивая опасности я обязанностью почитаю довести до сведения высших представителей правительства, что настроение народных масс в этом отношении чрезвычайно опасно и легко возбудимое. Для поддержания спокойствия на предстоящую тяжелую для народа зиму, нам безусловно необходимо быть очень бдительными и иметь всегда в своем распоряжении достаточную военную силу“. *)

Такой губернаторский анализ положения губернии был близок к истине, меры успокоения, рекомендуемые губернатором, имели достаточно широкое применение, но вызывали не прекращение недовольства, а беспрерывно возрастающий пропорционально репрессиям рост его в городах и в деревне.

---

*) Дело канцелярии симбирского губернатора № 37 за 1916 г., стр. 18.

Каково-же было дело с продовольствием в то время...

Спекуляция на продовольственных поставках в армию, растущие бешено прыгающие вверх цены, исчезновение с рынка продуктов первой необходимости—вот внешние проявления продовольственного кризиса. Возросший спрос на продукты питания, выросшая потребность в них, в связи со снабжением огромной армии, падение производительности, свертывание транспорта, свертывание промышленных предприятий, перерабатывающих пищевые продукты, а главное—сокрытие огромных запасов продовольствия торгашами с целью подзаработать на этом „выдерживании"—вот часть внутренних проявлений.

Все попытки различных организаций (земства, разных земгоров, земсоюзов и других) ослабить производственный кризис, конечно, не приводили ни к чему.

Политика твердых цен, которую пытались провести, тоже срывалась и вполне естественно, сам корень, из которого шли ростки „благих начинаний", был гнилой. Внутри тех организаций, которые пытались регулировать, сидели спекулянты и помещики, подрабатывающие на хлебных поставках и на многом другом огромные капиталы: отсюда понятно — куда вело „регулирование" и твердые цены.

Собранное, в связи с вопросом о твердых ценах и производственным кризисом чрезвычайное земское собрание 4 августа 1916 г. констатировало крайне тяжелое положение, колоссальный рост цен на предметы первой необходимости и провал с установкой и регулированием этих цен. Основные продукты, по сравнению с началом года, возрасли более чем на 100%, как говорят материалы этого собрания.

В то время, как росла спекуляция на ценах, бюджет рабочего и мелкого служащего мало чем отличался

от довоенного времени; тут несоответствие было крайне показательным. В среднем заработок повысился процентов на 30—40 максимум и достигал от 75 до 80 р.

И на ряду с признаками надвигающегося голода, с репрессиями и полным истощением, буржуазия, дворянство и духовенство стремились поднять „дух", ведя, где только можно, бешеную кампанию за войну до „победного конца". Инсценировки патриотических демонстраций, молебствия, статьи рептильного „Симбирянина" и воззвания, словом все средства направлялись к внедрению патриотизма. Но на эти попытки —трудящееся население отвечало или полной пассивностью, или не организованным протестом.

Спекуляция и вздутие цен на продукты питания вызывали все больше и больше ропота и недовольства среди населения, наконец, своим последствием имело открытый голодный бунт в Симбирске 4 июля 1916 г. Это событие, что называется, поставило на ноги и полицию, и весь гарнизон, и всю местную буржуазно-дворянскую клику, вызвав даже об'явление в городе чрезвычайного положения.

В усмирении „беспорядков", пришлось принять участие воинским частям, так как полиция была побита десятитысячной толпой камнями и отступила. Толпа, состоявшая преимущественно из женщин, разбила рожу полицмейстеру, расправилась как следует с попавшими ей под руку полицейскими и уничтожила тайные склады сахара у многих местных торгашей.

В результате военной, а затем полицейской расправы было 15 убитых и раненых, исключительно женщины и дети и около 50 арестов. (50 процентов женщин).

Напуганное „начальство" на другой-же день закрыло все зрелища и запретило появляться на улице с 9 часов вечера до 3-х часов утра.

Это событие имело свои корни в глубоком переломе масс, потерявшей всякие границы терпенья под напором политического и экономического гнета.

Продовольственные хвосты и вздутые цены, скрытие предметов первой необходимости — привело, наконец, повсюду к полосе возмущений, разгромов продовольственных лавок и открытому протесту

И эти продовольственные беспорядки и „бунты“, происходившие на экономической почве, превращались в политические демонстрации против царизма.

Конечно, чем активнее становилось население, тем сильнее становились и репрессии. Но это не пугало. Тысячами различных, по самым пустячным фактам, дознаний пестрят дела жандармерии. Это показатель того, что репрессии не уменьшали движения.

Но не было еще организованности. Революционные организации были уничтожены.

Рабочие были без руководства, крестьяне тоже. Естественно, что внутреннее брожение не могло вылиться в определенные формы.

Большевистских организаций в губернии не было, не сразу они возникли после февраля.

ГЛАВА III.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ.

Последние дни февраля проходили в Симбирске так-же спокойно, нудно, однообразно, как и начало года.

Не было ни особенного повышения деятельности либер. интеллигенции, ни основной движущей силы революции—рабочего крестьянского населения.

Недостатки, обнищание, продовольственные нехватки—все это давало, правда, материал для скрытого брожения в массах, но... и только.

Разрозненные, разбитые политические партии не делали даже попыток сорганизоваться; социал-демократы

были крайне малочислены, — всего несколько человек, эс-еры тоже; они прятались в норы, не вели никакой подпольной работы. И подлинного освещения назревавших в центре событий никто населению не давал.

Естественно, что происходившие в Петрограде волнения и предреволюционная стачка петроградских рабочих не получала отклика в массах Симбирской губ.

Только уже к моменту переворота начали ползти отдельные отрывочные слухи о роспуске Думы, о демонстрациях, о забастовках в Северной столице.

Казенные печатные органы, вроде „Губернских Ведомостей", или „Симбирянина" всячески маскировали происходившее в центре, распинаясь о благополучии и незыблемости „вековых устоев", извещая на своих столбцах о бесчисленных победах русского оружия на фронте.

Трупный запах от разлагающегося правительства доносился только окольным путем. Первые вести, полученные из Петрограда губернаторской канцелярией о перевороте 28 февраля в виде обращения члена Госдумы Бубликова и телеграммы Родзяно к железнодорожникам, дальше этой канцелярии естественно не пошли.

В среде губернских властей это вызвало замешательство, но далеко не побудило их сдавать позицию.

В газетах только 2-го марта появляется первое сообщение о перевороте.

Уездные исправники выдерживали эти сведения гораздо дольше и решительно „не пущали" в массы вестей из Петрограда.

Вот несколько образцов, иллюстрирующих перлы цензурного усердства исправников.

Так, алатырский исправник сообщал губернатору: „беспрерывно поступают агентские телеграммы о событиях в Петрограде. Печатать не

допускаю. Жду указаний. Исправник Смирнов 2-го марта 1917 года".

Сызранский полицеймейстер тоже не отставал от алатырского исправника. 2-го марта он телеграфировал губернатору: *„совместно с жандармским полковником Самохваловым мной приостановлено печатание и конфискован № 35 „Сызранский Курьер", где напечатано распоряжение Исполнительного Комитета Государственной Думы. Прошу снабдить меня предложениями допустить ли дальнейшие телеграммы подобного рода, высылаемые Петроградским Агентством. Полицеймейстер Попов".*

И таких документов не мало. Если „не пущали" известия в газеты, не оповещали массы о революции, то естественно не переставал работать и старый аппарат. Жандармы и губернатор и исправники, словом вся старая свора, только под напором демонстрантов прекратили свою деятельность и были вышвырнуты.

2-го марта, совместно с земством, губернатором было выпущено первое извещение о перевороте.

На улицах волна демонстраций захлестывала движение. Рабочие и воинские части рвались в бурном потоке к тюрьмам для освобождения политических заключенных, сметая стоявшую еще на постах полицию, а царские слуги продолжали свою работу, питаясь надеждами восстановить сметенную власть и ликвидировать „беспорядки".

Только 5 марта была разоружена полиция и в Симбирске создан Комитет местной власти и добровольческая милиция. В деревню весть о перевороте докатилась гораздо позже. Сам переворот произошел без всяких столкновений.

Целую неделю в городах происходили демонстрации. Во главе созданного из представителей Думы и земства

органа буржуазии—Губернского Исполнительного Комитета народной власти, встают кадетско-эсеровские лидеры. Комитет состоял целиком в первое время из представителей местной крупной буржуазии и помещиков.

Уездные города начинают конструировать органы власти по типу губернского города, создается Комитет народной власти в Сызрани (первые дни он назывался Обывательский Комитет), затем Алатыре, Ардатове, Карсуне. В деревне волостные Комитеты создаются не сразу, еще долго в некоторых селах продолжали господствовать урядники и земские начальники, только к первым числам апреля после Крестьянского с'езда везде устанавливаются новые органы власти, а с их созданием начинается волна аграрного движения непрерывная упорная борьба крестьян с помещиками.

С первых-же дней своего рождения на свет буржуазные органы становятся перед фактами растущего в массах недовольства их политикой, перед усиливающимся крестьянским движением, оппозицией рабочих и жестоким продовольственным и экономическим кризисом.

ГЛАВА IV.

ПРОФСОЮЗЫ ДО ОКТЯБРЯ.

Рабочие организации, возникшие в нашей губернии в 1905 г., насчитывавшие в то время около 10000 организованных членов, к моменту империалистической войны уже не существовали.

Не было помину ни об одном союзе. Несколько раз после 1905 года, когда были разгромлены партийные и рабочие организации, делались попытки возродить тот или иной союз, но дело дальше губернаторской канцелярии не шло; здесь ставили крест на всякой, даже невинной затее, чисто культурного характера, если она исходила от рабочих.

Союз типографских рабочих,—одна из активных и деятельных организаций в 1905-1906 гг., союз пекарей, приказчиков и др. просуществовали только до 1908 года.

С этого времени вплоть до марта 1917 года в организованном рабочем движении—полнейший пробел, чистое место...

Пролетариат городов (Сызрань, Симбирск), суконных фабрик, цементного, асфальтового и др. заводов, был зажат в тисках жандармско-губернаторской власти и самих промышленников.

Не было оставлено ни одной отдушинки. Все живое, все „крамольное“ уничтожилось, а мы знаем, что каждая неугодная исправнику, или жандарму, или фабриканту, фраза, сорвавшаяся с уст рабочего, считалась крамольной, за это увольняли, сажали, ссылали.

В военное время „власти“ распоясались во всю...

Но вот настали февральские дни. Первая весть о свержении самодержавия, первая демонстрация на улицах города, явились первым шагом в деле организации рабочих в союзы.

Февральские дни, это дни стихийного роста новых и возрождения бывших ранее в 1905-6 гг. профессиональных союзов...

Профессиональные союзы в первые месяцы революции до 1918 года были организациями крайне разнообразными по своему составу, строились они по цеховому, а не по производственному признаку, имели в своих уставах и положениях больше о задачах культурной работы среди членов, но очень мало о защите экономических интересов и почти ничего о политической позиции. Не было ясности и четкости задач, не было и твердой организационной структуры. Работа велась вразброд каждым союзом и руководство, первое время, исходило исключительно от Совета рабочих депутатов.

Классовая линия союзов была крайне расплывчата и только ближе к октябрю из большинства союзов выкристаллизовались вполне классовые пролетарские организации, как: союз рабочих по обработке металла (металлистов), текстильщики, пищевики и др. Многие профессиональные союзы были бездеятельны, многие пошли в Октябрьские дни на поводу у меньшевиков и некоторые, как напр. союз служащих городского самоуправления, даже вступил на путь открытой борьбы с Советом.

К началу 1918 года в губернии союзов было: в Симбирске 31 союз, в Сызрани 21, в Сенгилее 18 союзов, в Карсуне 8 союзов, в Ардатове 4 союза.

Первыми профессиональными организациями в губернии были, конечно, те, которые возникли в Симбирске; но это долгое время были только городские союзы, уезды же, где союзы возникли позже, были в этом отношении, как и в других, совершенно оторваны от губернского центра.

Одной из первых организаций ко времени возникновения был союз почтово-телеграфных служащих (организовался 6 марта.

За ним следуют типографы. 7 марта первое общее собрание всех типографий города (а их тогда было 5 с общим количеством рабочих около 300 человек) решает создать союз рабочих печатного дела. Типографские рабочие оказались инициаторами в организации совета. На первом-же собрании рабочие типографий постановили организовать Совет рабочих депутатов.

Союз типографских рабочих также оказался организатором других рабочих об'единений вокруг Совета. Но типографы с первых же дней создания своего союза почти до 1918 года шли за соглашателями-меньшевиками.

Вся борьба перед Октябрем и в Октябрьские дни с буржуазией проходила без их участия и даже после захвата власти Совет долгое время сталкивался с фактами враждебного отношения верхушек Союза к Советской власти, что давало буржуазии возможность продолжать борьбу с Советом и много времени спустя после Октябрьского переворота. Но за меньшевиками шли далеко не все, многие в решающие дни борьбы пошли вместе с революционными рабочими и солдатами.

12 марта в Симбирске возник союз пекарей, булочников и кондитеров. К концу 1917 года этот союз имел около 300 членов.

В эти-же числа возникает союз приказчиков, который собственно, создался из существовавшего ранее общества приказчиков; в конце 1917 года он переименовывается в союз торгово-промышленных служащих с числом членов по губернии 1500 чел.

В марте создается союз служащих городского самоуправления. (8 марта было первое собрание). Союз насчитывал до 1500 членов, был в городе одним из мощных профессиональных об'единений. *)

В октябрьские дни этот союз был не с революционным пролетариатом, а с буржуазией.

Саботаж органов самоуправления в первые дни Советской власти был непосредственно организован этим союзом.

В февральские и октябрьские дни существовал союз сапожников, вытягальщиков и закройщиков, об'единивший ремесленников и рабочих местных кожевенных мастерских. Первое организационное собрание

---

*) Даты старого стиля.

Данные о времени организации союзов взяты из газет— „Симбирянин", „Симбирское Слово", „Симбирская Народная Газета" и из дел канцелярии Губернского Комиссара.

этого союза состоялось 29 марта. Союз имел более 300 членов.

30 апреля был создан также союз шапочников.

В конце апреля организовался союз металлистов—3300 членов и союз домашней прислуги—1300 членов. Последние два союза с первых же дней революции встали на путь упорной и последовательной классовой борьбы и пошли под знаменами большевистской партии. Эти союзы были в первое время после Октября и до переворота оплотом Совета рабочих и солдатских депутатов.

Тоже можно сказать и про союз рабочих суконных фабрик, который сравнительно быстро понял, что ему с соглашателями и буржуазией не по дороге.

В апреле были созданы союзы; фармацевтов—около 80 членов, союз курьеров и сторожей—500 членов-союза служащих В.-Б. ж. д.—около 350 членов, который впоследствии был влит в единый союз железнодорожников; союз фельдшеров и больничных служащих—будущий Медиксантруд—160 членов, союз учителей.

В уездах в апреле тоже возникают почти однородные союзы. Первыми были Инзенский союз железнодорожников, создан 7 марта; рабочий комитет служащих и рабочих цементного завода, создан 6 марта, затем идут сызранские типографы, железнодорожники Алатырских мастерских, грузчики, металлисты, торгово-промышленные служащие и др.

Рост профессиональных союзов стихийный не регулируемый никаким центром (Совет союзов создался в конце года—в октябре), кроме Совета рабочих и солдатских депутатов,—сразу же вызвал сперва пассивное, потом активное сопротивление в лагере промышленников.

Буржуазия неохотно шла на встречу нуждам, а тем более требованиям союзных организаций. Началась

сперва экономическая, а затем политическая борьба.

Органы самоуправления были всегда почти на стороне собственников.

Совет, первое время, соглашательствовал, примирял, но ближе к Октябрю под напором большевистского ядра его линия выравнялась.

Кроме сопротивления рабочему движению, буржуазия стала создавать свои классовые организации—тоже „союзы“. Союз домовладельцев, Биржевой Комитет, Союз владельцев торгово-промышленных предприятий, Союз фабрикантов и заводчиков симбирского района.

Что преследовали эти союзы?...

Организованный отпор профессиональному движению. Они были не одиноки, их поддерживал губернский комитет народной власти. В комитете они и имели своих представителей.

Многие фабриканты—владельцы суконных фабрик не только игнорировали и профессиональные союзы, и местные рабочие комитеты, но просто не хотели их признавать, подчас даже увольняя рабочих за принадлежность к совету или союзу.

Также поступало и Земство и Исполнительный Комитет.

Особенно не по душам пришлось возникновение рабочих организаций местным фабрикантам. Все меры принимались ими, чтобы подорвать авторитет профсоюзов и рабочих комитетов.

Например, фабрикант Степанов, которому не понравилось, что на фабрике есть член Совета рабочих депутатов и за то, что тот отлучается иногда с фабрики (Языково) на заседания Совета—увольняет его. Не считаясь ни с кем, увольняется представитель рабочих фабричного района от 16 фабрик.

Конечно, такой факт не мог обойти молчанием Совет, который посылает решительный протест губернскому комиссару.

Опасаясь выступления рабочих фабрики, комиссар послал Степанову просьбу принять рабочего, но последний все-таки принят фабрикантом не был. Степанов грозил закрытем фабрики и всеми другими бедами и губкомиссар больше не настаивал.

В итоге был сорван и авторитет Совета и местного комитета рабочих и союза.

Аналогичный случай был на фабрике Акчурина (Гурьевская). На других фабриках тоже возникали конфликты между рабочими и владельцами, и главным образом, на почве полнейшего игнорирования фабрикантами рабочих об'единений.

Особенно возмутителен случай на фабрике Кузнецова в селе Лесное Матюнино, Сенгилеевского уезда. Здесь все прелести разнузданности фабриканта. Увольнение и расчеты всех членов комитета рабочих. Введение 11-часового рабочего дня и друг...

Случай на фабрике Кузнецова поставил на ноги все профессиональные организации и Совет.

26 августа в губернский комитет профсоюза рабочих суконных фабрик было послано следующее сообщение:

„Товарищи... фабрикант Кузнецов на фабрике Л. Матюнино вопреки постановления Временного правительства о рабочих комитетах (Собр. Указ. 1907, ст. 551, пункт 6) удалил с фабрики 4-х рабочих, состоящих в комитете. Комитет третирует. Ввел обязательный 11-тичасовой рабочий день, заявил, что не признает ни Временного правительства, ни демократических организаций и сулил прислать казаков с нагайками —все это сопровождалось руганью. Рабочие подавлены. С трудом ввели временное успокоение.

Считая действия фабриканта Кузнецова контр-революционными, просим использовать все имеющиеся в вашем распоряжении средства." *)

Это возмутительное отношение к рабочим организациям не нашло должного отпора в органах админи-

---

*) Дело канцелярии Симбирского губкомиссара № 40.

стративной власти и комиссара Временного Правительства.

Фабрикант же не ограничился этим издевательством над рабочими и после протеста со стороны союза вывесил на фабрике следующее об'явление:

„Мною лично был устранен заведующий Гурьянов и ткач Шадрин. Комитет фабричный восстановил их. В своих интересах считаю действия комитета незаконным. Привлекаю таковой к суду. Служащим и рабочим об'являю, что ввиду незаконных действий комитета прошу всех заявить расчет. Фабрика через две недели будет закрыта.

Фабрикант Кузнецов.

Выбрасывалось на улицу несколько сот рабочих. Это обстоятельство заставило Совет Р. и С. депутатов поднажать на комиссара и последним была организована комиссия, которая только через месяц приступила к работе. Комиссия выяснила картину самую безотрадную.

Эксплоатация, понижение зарплаты, наплевательское отношение к нуждам и запросам рабочих и проч. факты.

Вот выдержка из доклада комиссии в Совет:

„Общее собрание: после всестороннего освещения вопроса о текущих событиях были заслушаны заявления рабочих на владельца фабрики Г. А. Кузнецова, сущность коих сводится к следующему: владелец фабрики Г. А. Кузнецов совершенно игнорирует все рабочие организации и в частности рабочий местный комитет. На все требования комитета вполне законного характера, он всегда отвечал отказом, заявляя при этом, что он хозяин фабрики и никаких комитетов не признает.

Продовольственный вопрос достиг своего апогея, а именно: в амбарах фабрики хлеба совершенно нет и купить не на что, ибо владелец, уезжая с фабрики на жительство в гор. Симбирск, не оставил и до настоящего времени не прислал аванса на содержание фабрики, а также на выдачу жалованья рабочим за ноябрь месяц, хотя крестьяне соседних сел являются с предложением купить хлеба, но за отсутствием денег контора этого сделать не может.

На основании вышеизложенного, усматривается, что при дружной совместной работе владельца фабрики с местным

рабочим комитетом, фабрика избежала бы голодовки, которая уже наступила.

Нельзя не отметить печального факта—владелец Кузнецов весною с/г. по единодушному заявлению рабочих, когда все кричали уже о надвигающейся голодовке, распродал имеющиеся у него запасы хлебных продуктов (муку, пшено, сахар и проч.). *)

Но и после обследования комиссии, распоясавшийся фабрикант не хотел пойти ни на какие уступки и соглашения с профсоюзом.

Комиссия пыталась примирить стороны, но ничего не вышло. Кузнецов все-таки остался безнаказанным. Конфликт продолжался вплоть до 1918 года.

Только Советская власть положила конец этому безобразию. Случаев, подобных приведенному, было много и почти все они до Октября кончались не в пользу профессиональных организаций. Только после Октября, когда профсоюзы окрепли, организационно оформились, только после губернской рабочей конференции в апреле 1918 года рабочее движение пошло по верному пути.

Уж этот путь не преграждали самодуры заводчики, они были сметены,—уничтожены. Верно, на короткое время, летом 1918 года возродились с приходом чехов старые времена, но это была только агония буржуазии...

ГЛАВА V.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

По мере того, как росли по всей России революционные события, развертывались и ширились выступления масс в губернии, активность масс возрастала. Рабочее население, крестьянство—требовали большего, чем ему давала Февральская Революция. Временное правительство буржуазно - соглашательские органы в

*) Дело канцелярии губернского комиссара № 36 1917 г.

центре и их представители на местах, получив в первые дни полную власть, постепенно стали ее терять; политика отстаивания интересов меньшинства в ущерб интересам масс, охрана и защита вооруженной силой прав капиталистическо-помещичьей собственности, участие в управлении старо-режимных зубров—промышленников и капиталистов—не могло не вызвать протеста со стороны трудящихся.

Деревня бурно и крайне активно реагировала на все текущие политические события.

Земельный вопрос с каждым днем обострял взаимоотношения властей с крестьянством. Огромные помещичьи владения, вроде имения Орлова-Давыдова (около 150.000 дес. земли) стали центрами борьбы.

Гнет прошлого сказался в первые дни революции. Приговоры об отобрании земли у владельцев, захват инвентаря, порубка леса и т. д. становятся повседневным явлением.

В ряде сел стали происходить выступления крестьян с требованиями немедленной передачи земли обществам.

Попытки урегулировать вопрос с землей со стороны комиссара Временного правительства не достигают цели. Десятками посылаются в села члены исполнительного комитета для успокоения деревни. Но вместо успокоения волна аграрного движения поднимается все выше и выше, захлестывая все, даже самые отдаленные углы губернии.

Конечно, никакие уговоры и грозные телеграммы комиссара и наконец посылка войск не дают желаемых результатов. К иному политика буржуазных органов и не могла привести. Все попытки спасти „хозяйское добро“ разбивались о волны крестьянского гнева, который был особенно силен там, где господствовал и безудержно гуляла во времена реакции казацкая нагайка и безраздельно царил помещичий режим.

В то время, как органы буржуазии стремились урегулировать с помощью соглашательских партий вопрос о земле—земля эта уже во многих местах захватным путем переходила в руки беднейшего крестьянства.

20-го марта в Симбирске собрался Губернский Крестьянский С‘езд, на нем присутствовало 540 делегатов от всех уездов и почти от каждой волости. Этот с‘езд, созванный исключительно в интересах земельных собственников с целью урегулировать вопрос о земле, не дал, как и нужно было ожидать, тех результатов, которых хотела-бы буржуазия.

С‘езд открылся в городском театре. Открывал его и руководил пленарными заседаниями с‘езда местный помещик, князь Баратаев. С‘езд, продолжавшийся 2 дня, почти две трети времени употребил на обсуждение двух злободневных вопросов: о земле и о продовольствии.

Обсуждение продовольственного вопроса, который благодаря отсутствию подвоза хлеба в города, принимал угрожающие размеры, вызвало длительные споры. По этому вопросу с‘езд постановил: *„Об‘явить все излишки хлеба, у кого бы то они не были, государственной собственностью и произвести расчет за него по установленной твердой цене. Всех торговцев обязать продавать предметы первой необходимости не свыше цен потребительских обществ“*.

Конечно, эти постановления были далеко не выполнены, спекуляция и после с‘езда росла и процветала так же, как и до него. Излишков хлеба никто не сдавал и не думал сдавать. Дело с продовольствием попрежнему обстояло крайне скверно.

На крестьянском с‘езде обсуждался также вопрос о текущем моменте. Доклад „О войне и об организации победы“ преподнесен был с‘езду в ура-патриотическом

духе. Докладчик в своей, крайне сумбурной речи, всеми имевшимися у него аргументами стремился доказать крестьянам справедливость и необходимость мирного сожительства с помещиками. „*Верьте, говорил он,— Временному правительству, не затевайте междуусобной брани, живите дружно с помещиками, не причиняйте насилия кому бы то ни было*“.

Другой доклад по тому-же вопросу был еще более характерным для политики буржуазной власти. Говоря о войне, докладчик эсдек Охотин внушал крестьянам: „*Народ не хочет мира без аннексий, без осуществления великодержавных прав государства на проливы, без Константинополя, как ключа к ним без об‘единения славянских земель*“.

Конечно, такие лозунги не нашли отклика у делегатов с‘езда только небольшая группа поддержала предложение по текущему моменту и резолюции, пропитанные шовинистически-захватническими тенденциями.

15 мая Крестьянский с‘езд Симбирского уезда вплотную подходит к вопросу о земле и выносит, после горячих и длинных прений, ожесточенных споров с эсерами, предлагавшими вопрос о земле не решать до Учредительного Собрания, резолюцию о немедленном переходе земли крестьянам.

Да без этого крестьяне не ждали, да и не могли ждать Учредительного Собрания. Помещики один за другим выметались из насиженных гнезд.

Неудержимо росла волна крестьянского движения; так за короткий период в 2-3 месяца в Карсунском уезде произошли следующие крестьянские „беспорядки“:*)

В 20 числах марта крестьяне села Марьяновки, Б. Березен—ой волости, сходом постановили: „*воспретить вывоз леса из удельного ведомства, купленного Пензенским Военно-промышленным Комитетом*“.

---

*) Карсунский уезд берется как наиболее характерный, аграрное движение здесь было особенно сильным.

Крестьяне Карсунского уезда избили местного помещика Филимоновича, имение его разгромлено крестьянами.

Сельский сход с. Большое Шувалово, пятинской волости, карсунского уезда, бывший 3 апреля, *постановил выслать из пределов волости местного землевладельца, бывшего земского начальника Рютчи.*

Крестьяне села Пятино, Городищенской волости, сходом решили и самовольно вырубают мой лес, купленный в Крестьянском Банке. Имею заказы на оборону.

Прошу содействия, прошу дать охрану заводов, Пятино, Городище— телеграфировал лесопромышленник Лившиц губкомиссару.

Крестьяне с. Вознесенского, Уренско-Карлинской волости решили частновладельческую землю засеять всем обществом, не допустив к засеву владельцев.

Сельский комитет Б. Березников воспретил вывоз из села ста голов лошадей, принадлежащих помещику Осипову.

Крестьяне села Чуфарово выгнали из имения помещика Артемьевского—управляющего П. Люро, запретив ему появляться в селе.

Крестьяне с. Русская Кандарать, Потьминской волости, отобрали у отрубщика Аристова отрубы и запретили ему производить засев.

Анненковским волостным комитетом воспрещена порубка леса в даче владельца Лосева.

Юрловским волостным комитетом выселен в 24 часа из села Папузы местный поп Знаменский за непрочтение манифеста об отречении Николая.

Молитвенный дом с. Папузы комитетом был объявлен собственностью села для устройства в нем народной библиотеки-читальни.

Крестьянами села Починок, Б. Березинской волости и последних числах мая отобрана земля, принадлежавшая местному попу Трнквильницкому.

Крестьянами Троицкой волости произведен самовольный раздел земли и лугов, принадлежавших помещикам Чирковым.

Крестьянский сход Белозерья, Карсунского уезда, отобрал у местных помещиков земли, оставив им 100 десятин, обязав владельцев сдавать остатки земли по 6 руб. десятину. Отобраны безвозмездно церковные наделы (телеграмма помещика Гладкова князю Львову от 28/IV-17 г.

Крестьянами с. Вешкаймы 23 апреля захвачено имение Родионовой.

Приводимый перечень аграрных выступлений в Карсунском уезде только маленькая частичка того, что произошло в уезде с марта по октябрь месяц. Всего за это время по материалам только одной канцелярии губернского комиссара насчитывается около 250 фактов самовольного захвата имений, инвентаря, лесов, помещичьей отрубной земли.

А другие уезды?

Там дело обстояло, примерно, также...

В Сызранском уезде были захвачены имения Ушакова, Орлова-Давыдова, Поливанова, Белякова и др.

В Сенгилеевском уезде захвачен был ряд удельных и частных имений. Уже 18 марта Новодевический сход отобрал оружие у стражи удельных имений волости и взял всю в свое пользование.

В Симбирском уезде движение охватило все волости уже в мае месяце. Посылались воинские части — кавалерия, но ничто не могло удержать крестьян от захвата имений и земли.

В Буинском, Курмышском, Ардатовском и Алатырском уездах точно такая-же картина.

Сотни жалоб, телеграмм, рассылались землевладельцами к Временному правительству и губкомиссару. Отрубщики и крупные помещики все вопили о своих правах на землю и просили защиты.

Посылались отряды, выезжали агитаторы.

Но крестьянство не хотело уступать ни уговорам, ни силе.

По неполным данным сведениям, извлеченным только из канцелярии губернского комиссара, аграрное движение в 1917 году рисуется в следующем виде:

Случаев разгрома имений зарегистрир. было 71.
Порубка лесов „ „ „ 78.
Захвата инвентаря и земли „ „ 332.

По мере того, как развивалось крестьянское движение на почве основной экономической причины,—безземелья и крайнего оскудения хозяйств,—росло и политическое самосознание. С помещиками уже боролись не как с обладателями земли, а как с классовыми врагами.

Деревня росла, дифференцировалась, постепенно расслоялась попутно с движением против отрубщиков в пользу коллективного хозяйства, начиналась упорная борьба бедняцко-середняцких слоев с кулацким элементом села.

Множество фактов дают картину этой борьбы: захват земли отрубщиков, лишение наделов хозяев, обладавших крупными земельными участками и т. д.

„Регулировать крестьянское движение, отдалить решение земельного вопроса „до Учредительного собрания“, при всех усилиях, ни комиссару Временного правительства, ни местным соглашательским партиям не удалось...

ГЛАВА V.

ПРЕДОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

Эти дни кануна решающих битв знаменуются:—во первых, стихийным ростом аграрного движения и рабочих организаций, обострявшейся с каждым днем борьбой их с буржуазными органами, рядом грандиозных погромов и крайней активностью местных гарнизонов.

Все это происходило, нужно сказать, на фоне крайнего экономического кризиса, продовольственная и промышленная разруха росла, виновником развала, кроме общей причины войны, была и сама буржуазия, усугублявшая кризис своими беспочвенными мерами борьбы с ним.

Хлебная монополия проваливалась с треском, излишков никто не сдавал и в первую очередь сама-же буржуазия и землевладельцы.

Посылка военной силы в деревню для понуждения крестьянства сдавать хлеб началась плачевно, солдаты подчинялись только до тех пор, пока не выходили за черту города.

Хвосты, очереди у продовольственных лавок возрастали.

Предприятия—фабрики закрывались за отсутствием сырья, из-за продовольственных затруднений.

Тверные цены на хлеб были только на бумаге Спекуляция процветала попрежнему.

Свертывалась винокуренная промышленность в связи с ростом аграрного движения.

Фабриканты и заводчики, чувствуя, что почва уходит из-под их ног, что их аппетиты урезываются рабочими организациями, стремятся ликвиднуть свои предприятия или закрыть их временно „до лучших времен“.

На ряду с сырьевыми затруднениями, всюду отсутствовали продовольственные запасы, (что в июле месяце привело к полному краху и продовольственным беспорядкам—разгромам лавок в Симбирске).

Крайне скверное положение наблюдалось и в области урегулирования заработной платы, хотя в это время уже почти все предприятия, все производства об'единялись союзами, но рабочий контроль осуществлен нигде еще не был.

Деревня также бурлила, мужицкая масса, не ожидая разрешении сверху, не слушая эсеровской болтовни в единении с помещиками, рвала на клочки частновладельческие имения, твердо и ясно заявляя о своих правах на всю землю, на все владения бывших господ.

Солдатская масса, а ее было не мало, один Симбирск имел 60-70 тысячный гарнизон, перешагнул границы соглашательского ура патриотизма, *уже с полной определенностью заявляла, что она против войны и против буржуазно-демократической власти.*

Гарнизон—это была сила, которую эсеры, меньшевики и буржуазные организации стремились всеми силами и средствами сделать своим орудием, закрепить в гарнизоне свое влияние.

Но это не удалось...

Только офицерство стояло на стороне их. Последнее влияния не имело, наоборот, между солдатской и офицерской массой рос антагонизм, солдаты им не доверяли и естественно за ними не шли.

Реакционные группы офицерства в единении с органами буржуазной власти пытались действовать дисциплинарными мерами, но это привело только к большему обострению борьбы.

22 июня солдаты 97 полка, квартировавшего в Симбирске, в ответ на мордобойную дисциплину,

арестовали командира полка Шувалова, и чтобы не повадно было другим, поводили его по городу, демонстрируя этим, что старорежимной дисциплное наступил безвозвратный конец.

23 июня офицеры полка пытались освободить арестованного, произошло столкновение, один из офицеров ударил кого-то из рядовых шашкой, в итоге и те и другие применили оружие, был убит один солдат и ранены два офицера.

Этот случай окончательно расслоил войсковые части.

Гарнизонный комитет и солдатская секция были на стороне солдат, буржуазия поддерживала офицерство, и уже, больше с опасением, чем с надеждой смотрела на воинские части.

Оборонческие фракции совета пытались примирить стороны, но пропасть росла. Реакционеры отсеялись, а лучшие революционные силы полков встали во главе солдатского движения.

Пытались некоторые части сплавить на фронт, благо подоспела июньская провокация с наступлением; частью эта уловка удалась, несколько рот было отправлено, но это были последние эшелоны.

Следующие попытки в сентябре и октябре сплавить части на фронт не удались.

Приближалась пора решительных действий. Буржуазно-демократический блок готовился к выборам в учредилку, а большевики организовывали массы для борьбы с соглашателями в Совете.

Наступили июльские дни, а с ними учащеннее стал биться пульс революционных событий.

Буржуазия быстро мобилизовала силы для борьбы, для уничтожения большевистского влияния в массах рабочих и солдат. Под лозунгом борьбы с анархией была сделана попытка подчинить себе массы.

Но безуспешны были буржуазные и соглашательские потуги...

Сознательная революционная часть пролетариата не поддалась на удочку демагогов и провокаторов буржуазного блока.

В связи с июльским выступлением петроградского пролетариата, в Симбирске создается Комитит спасения родины и революции.

В июле комиссар Временного Правительства, по соглашению со всеми политическими партиями и общественными организациями, приступил к реорганизации Губернского Комитета народной власти.

В результате родился Комитет спасения родины и революции.

Комитет был создан на об'единенном заседании буржуазных организаций 26 июля.

Комитет спасения родины и революции просуществовал недолго до августовских дней, т. е. до выступления Корнилова. Комитет имел широкое представительство различных политических и общественных буржуазных организаций, направлявших свои действия к борьбе с революционными массами.

Когда в центре и на фронте разыгралась известная Корниловская история и реакционные силы начали всюду поднимать голову; под давлением революционной части Совета в Симбирске был создан Губернский Революционный Комитет.

Рост напора реакции, крайне напряженное состояние гарнизона и рабочих организаций, заставляет и буржуазию и соглашателей не противодействовать решительным мерам революционной части Совета.

Революционный комитет встает на путь решительной борьбы со всякими проявлениями контр-революции.

Об'единенное собрание Советов и полковых ротных Комитетов принимает следующее постановление, посланное военному округу:

„Об'единенное собрание Губернского Исполнительного Комитета спасения родины и революции Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов Полковых Комитетов командного состава 44 бригады, всех общественных и политических организаций, профессиональных союзов и городского и земского самоуправлений в пленарном заседании 29 августа постановило: уведомить вас, что все меры для подавления контр-революционных выступлений приняты: гарнизон может по первому вашему призыву выступить для подавления мятежа Корнилова. Вся революционная демократия с нами". *

В других городах губернии также создаются революционные Комитеты. В Карсуне в первых числах сентября, в Сызрани—20 августа.

На экстренном собрании Сызранского совета принимается постановление о том, что Совет является высшей властью в уезде и городе. В постановлении Совета говорится: *1) с целью сохранения спокойствия и пресечения контр-революционных попыток, откуда бы последние не исходили, охрана города переходит в руки Советов. 2) Совет принимает на себя командную власть над войсками гарнизона и все склады оружия и боевых припасов переходят в непосредственное заведывание Совета. 3) Местные газеты, явно враждебные начинаниям революционной демократии—„Сызранский Курьер", „Республиканская мысль" и „Слово истины"—Советом закрываются и всякое издание новой газеты разрешается предварительно Советом. 4) Для проведения в жизнь всех намеченных мероприятий и пресечения контр-революционных выступлений избирается Военно-Революционный штаб. Этому штабу и Исполнительному Комитету Советом предоставляются чрезвычайные*

---

*) Архив канцелярии губкомиссара.

полномочия принимать решения без обсуждения их общим собранием".)*.

Таким образом Совет всюду с корниловских дней вырастает в самостоятельный орган власти, заслоняя собой буржуазно-демократические организации. Конечно, как в это время, так и после Октябрьского переворота, в центре, советы в большинстве городов нашей губернии (кроме Сызранского), еще не смогли встать на действительный революционный путь, соглашательские партии предательски вели большинство советов на соглашение с буржуазией.

Всюду шло усиленное собирание сил и укрепление буржуазных органов самоуправления.

Массы еще находились под влиянием буржуазно-демократических органов.

Так, например, первый Губернский с'езд Советов 11 сентября по вопросам текущего момента, принял резолюцию о поддержке Временного правительства, о сотрудничестве с буржуазией.

С'езд рабочих суконных фабрик 10 сентября, тоже верно очень незначительным большинством голосов, присоединился к эсе-эровским предложениям.

Сентябрь месяц проходил в нашей губернии особенно оживленно. Политическая жизнь, во всех ее проявлениях, в эти дни была наиболее интенсивной.

В уездах тоже крайнее оживление.

Крестьянское движение растет, волна аграрных беспорядков вздымается так высоко, что никакие меры не в силах ее удержать. Горят помещичьи усадьбы, грозно рокочат крестьянские сходы, изгоняющие остатки помещиков из сел.

Войсковые части не подчиняются буржуазии и вместо охраны частной собственности, встают на сторону крестьян.

---

*) Там-же.

Губернским комиссаром, обеспокоенным за судьбу помещиков из Сызрани вызывается полуэскадрон кавалерии...

Но Совет еще остается на полпути к решительным революционным действиям...

15 сентября 50 членов Совета раз'езжаются по губернии для успокоения деревни и проведения хлебной монополии.

Этот момент знаменательным является еще потому, что *в Симбирске оформляется местная организация большевиков. 15 сентября создается временный комитет партии и начинается усиленная вербовка членов, фракция Совета усиливается новыми партийными силами и становится уже реальной силой в Совете, за которой идут революционные слои рабочих и солдат.*

Комитет партии начинает свою работу и в гарнизоне и в производственных союзах.)*

Начинается время кипучей работы в массах перед решительной схваткой с буржуазией.

Органы временного правительства становятся все менее и менее популярными. Не редки случаи, когда массы открыто заявляют о недоверии к ним.

В Сызрани, в Ардатове, советы фактически становятся центрами по руководству жизнью уездов. Попытки губкомиссара и уездных—его помощников спасти положение не достигют цели...

Так было везде.. Массы выходили из повиновения господ...

Наступил Октябрь...

Беспокойная буржуазия металась из стороны в сторону, ища потверже опору...

Революционное движение, стихийное развитие событий и в селах, и в городах, и в фабричных центрах,

---

*) Текстили, металлисты, строители и др.

а также среди солдат местных гарнизонов,—все это принимает довольно внушительные масштабы.

Растут и погромные движения...

„Анархия, анархия“,—воет буржуазия, призывая на помощь вооруженные силы.

Создаются на местах и в Симбирске комитеты по борьбе с анархией.

Создаются органы городской охраны. Буржуазные слои населения вооружаются этими комитетами „на всякий случай“.

Большевики больше всего причиняют хлопот местным комиссарам. Все меры принимаются к тому, чтобы оградить трудящиеся массы населения, а главное—это солдат, от „большевистской заразы“...

Но массы переросли младенческий возраст—опекунов они гонят в шею...

Эти дни знаменуются также полным экономическим упадком. Промышленность, транспорт и продовольственное дело—все переживает кризис. Особенно продовольственный вопрос—полное отсутствие запасов. Население уже голодало и в уездах, и в Симбирске.

Продовольственной управе пришлось прибегнуть к последней мере—массовым обыскам у частных торговцев.

Эту меру приняли под напором совета и профсоюзов.

Верно, все это делалось так, больше для успокоения масс, а не как реальная мера.

Буржуазия надеялась доказать свою честность и не причастность к спекуляции, но на деле оказалось иное.

Долго вопрос об учете частных запасов оттягивался и только в начале октября, специальная комиссия приступила к работе.

Но на ряду с этим оффициальным учетом, некоторые рабочие организации, непосредственно начали про-

щупывать буржуазию, и результаты получались прямо поразительные.

Сотни пудов сахара, тысячи пудов муки были припрятаны у местных торговцев и даже у „отцов города“, членов городской думы. В женском монастыре были найдены целые склады продовольствия.

Когда „копнули“ у местных помещиков, еще не прощупанных крестьянами, то там нашли запасы, обеспечивающие город на несколько недель и месяцев, и все это пряталось в самых тайниках, в подвалах, в замурованных стенах и т. д. Буржуазия на это неистово огрызалась, но найденные запасы были достаточно веской уликой и органам местного самоуправления ничего не пришлось сделать, как признать меру вполне жизненной. Конечно, утайщиков постарались избавить от ответственности и они попрежнему оставались в кругах „местных общественных сил“, несмотря на протесты Совета и профсоюзов.

Конечно, все это не спасло положения; верно, была некоторая поддержка и только. *По подсчетам земства до нового урожая нужно было ввезти в губернию 11 миллионов пудов хлеба. Таких запасов в частных руках не было.*

Предвидя голод, тысячи людей отправлялись в другие губернии. Голодать стали не только город, но и деревня, у которой все запасы иссякли, новый урожай был крайне плох, многие уезды постиг недород, обсеменение полей местами были крайне незначительно, положение с продовольствием всюду было критическим.

Поволжские губернии, в том числе и Симбирская, наполняются ходоками и мешечниками из голодающих уже центральных губерний в чаянии „кисельных берегов“, но здесь они наталкиваются на ту-же картину голода. Платя по 30-40 р. за пуд муки, они все-же достают небольшие запасы, но их так много, что паро-

ходы не могут всех провезти и тысячи людей неделями сидели на пристанях под дождем, ожидая своей очереди попасть на пароход.

Такая картина была осенью на всем протяжении среднего поволжья.

Расшатанный транспорт, необсемененные поля, отсутствие налаженного снабжения продовольствием, пустые склады и главное минус 11 миллионов пудов хлеба, которые нужно было ввезти в губернию, чтобы дотянуть до урожая, —вот что осталось в нашей губернии от буржуазии в момент перехода власти в руки Советов, рабочему классу естественно стоило много трудов, усилий и жертв, чтобы все наладить и изжить это наследство.

ГЛАВА VII.

ВЛАСТЬ СОВЕТАМ.

Первая весть о перевороте, в Симбирске была получена в момент крайне критический. В городе происходил погром.

Войска местного гарнизона 25 октября вышли на улицу с решительным протестом против войны и отправки на фронт. Внушительная десятитысячная демонстрация направилась к Совету для вынесения протеста против половинчатой политики членов Совета в отношении войны.

В результате демонстрации спровоцированные воинские части вместо организованного протеста начали громить склады вина и частные магазины.

Погром достиг таких огромных размеров, что угрожал вылиться в разгром всего города.

Офицерство потеряло всякую власть над частями. Местная буржуазия, дума и др. органы тоже не смогли ничего делать и попрятались.

В городе создается Военно-Революционный Комитет.

Потребовалось три дня для того, чтобы окончательно установить нормальную жизнь в городе.

В эти-же, примерно, дни Карсун тоже переживает военный погром, там тоже создастся Военно-Революционный Комитет, к которому переходит вся власть в уезде.

Но организация Ревкома не ознаменовала еще переход власти в руки трудящихся.

Полученная из Гатчины телеграмма генерала Краснова дает буржуазии надежду на разгром пролетарской революции.

Местные буржуазно-демократические организации не хотят сдавать позиций.

Полученные из центра вести о победе пролетариата о разгроме повсюду контр-революции, о перевороте в Москве все-таки не убеждают их в бесполезности борьбы.

Совет, еще не освободившийся от соглашательских элементов, продолжает итти у них на поводу. Соглашатели выбрасывают лозунг: *„Вся власть всей об'единенной демократии“.*

На путь противодействия захвату власти, на путь соглашенис с буржуазией пытаются эсеры и меньшевики направить рабочие и солдатские массы.

Губкомиссар информируя уезды о положении в центре 28 октября пишет: *„Сообщение с Петроградом прервано. Петроградский Совет телеграфирует о захвате им власти. По просьбе местного Совета работаю в единении“.* И вот это единение представителя несуществующего временного правительства и еще не теряющей надежды местной буржуазии и землевладельцев—с Советом, приводит к тому, что темп развития революции задерживается, рабочие и

солдаты продолжают оттесняться от руководства политической жизнью. Но не надолго..

Несмотря на свою малочисленность и раздробленность, пролетариат в Симбирске и в других городах губернии деятельно готовился к нанесению окончательного удара буржуазии.

Под руководством большевистской фракции Совета и профессиональных организаций, всюду шло собирание сил. Буржуазия не хотела уступить дорогу, она пыталась маскироваться революциооными лозунгами, пыталась отвлечь внимание масс трудящихся вопросом каким угодно, только не о захвате власти.

Как раз подоспели выборы в Учредительное Собрание. На этом хотели сосредоточить внимание трудящихся, развив усиленную агитацию за списки буржуазно-демократического блока.

Выборы происходили в начале ноября. В выборах приняли участие около 50% общего количества избирателей. Результат был такой: по Симбирску подало голосов:

за список № 10 (большевиков) 3.815.
" " № 2 (эсеров) . . . 5.857.
" " № 5 (кадетов) . . . 4.000.

По Сызрани список № 2 собрал 3.000 голосов, № 5—1800 голосов, а список большевиков 9.000 голосов.

По Сенгилею (уезду) за список № 10 голосовало 7245 избирателей.

Кандидатами партии большевиков были выставлены:

1. Покровский Михаил Николаевич, Москва.
2. Свердлов Яков Михайлович, Петроград.
3. Крымов Михаил Дмитриевич, Симбирск.
4. Емельянов Иван Петрович, Сызрань.
5. Жуков Иван Павлович, Петроград.
6. Гимов Михаил Андреевич, Симбирск.
7. Горновитов Иван Ефимович, Сызрань.
8. Никитин Андреян Яковлевич, Симбирск.
9. Красильников Иван Степанович, Казань.

10. Панин Федор Михайлович, Симбирск.
11. Соловьев Николай Григорьевич, Симбирск.*)

Прошел в результате выборов от нашей губернии М. Н. Покровский.

Выборы в Учредилку не дали буржуазии ни желаемых результатов, ни эффекта, которого от них ожидали. Агитация и устройство демонстраций поддержки Учредительному Собранию не помогли проявлению участия и внимания масс к выборам, серо и нудно прошли демонстрации и сами выборы.

Демонстрировала одна лишь буржуазия...

В ноябре в Симбирске буржуазно-демократические организации делают новую и последнюю попытку организовать свою губернскую власть.

В то время, когда в Сызрани уже с 22 октября власть находилась в руках Совета, в Карсуне, Ардатове Советы так же были фактически единственными органами, которые имели власть и распоряжениям которых подчинялись,—в это время в Симбирске создается новое буржуазное губернское правительство под громким названием „*Симбирский Парламент*".

На первом заседании этого „парламента", инициатор его организации—владелец Симбирского театра энес Басманов в программной речи об'яснил необходимость создания этого органа, отсутствием в губернии твердой власти. Конечно, дело было не в этом, это была попытка, под прикрытием демократии сохранить власть помещиков и капиталистов.

На этом же заседании Комиссар Временного Правительства Головинский более ясно *определил задачу парламента: „создание этого органа народной власти—это последняя попытка в борьбе с диктатурой"*. Это было яснее. Через „парламент" хотели бороться с пролетарской диктатурой.

---

*) Архив Истпарта.

Судьба этого мертворожденного детища агонизирующей буржуазии была плачевна, он умер своей естественной смертью, через несколько дней после рождения, уже на третьем или четвертом заседании председателю пришлось констатировать отсутствие $^{2}/_{3}$ состава парламента, отсутствовали в первую очередь представители трудящихся.

Через несколько дней он окончил свое существование, передав свои функции губернскому земству.

Но земство не успело принять власти, организованный пролетариат Симбирска на об'единенном собрании с представителями гарнизона 10 декабря (в зале теперешнего Ульяновского Уика) постановил взять власть в свои руки. Предложение представителя Комитета большевиков (резолюция о захвате власти) было принято подавляющим большинством голосов.

Дружной поддержкой ответили рабочие и солдатские массы на постановление Совета о захвате власти.

Большинство производственных союзов, весь гарнизон был на стороне Совета, Совет уже имел в своем составе подавляющее большинство сочувствующих партии большевиков. Но от постановления Совета до фактического перехода власти в руки Совета прошло не мало времени. Земство, Городская Дума, различные буржуазные организации, меньшевики, эсеры—все подняли вой протеста против Совета. Собралась чрезвычайная сессия Губернского Земства, на которой снова встает вопрос о власти. Земство пытается войти в соглашение с Советом, но большевистская фракция, а за ней и весь Совет постановляют ни на какие соглашения с органами буржуазного самоуправления не итти.

Представители Совета, вызванные Земством, оглашают постановление Совета о *переходе* власти в руки трудящихся.

Этим ставится крест на путях к какому-либо соглашению.

Но для того, чтобы укрепить пролетарскую власть в губернии, для того, чтобы начать работу по строительству власти на местах, Совету приходится вести долгую и упорную борьбу, отвоевывая шаг за шагом главнейшие позиции, занятые буржуазией.

Последняя не сразу уходит с дороги, она группирует вокруг себя вооруженные силы офицерства, самоохрану и т. д.

Совет начинает формировать отряды Красной гвардии. На призыв Совета быстро откликаются рабочие города, Заволжья, суконных фабрик.

Губернский С'езд Союза текстильщиков 29 декабря решает:

> немедленно призвать в ряды Красной гвардии для защиты русской свободы от наглых попыток, как русской, так и международной буржуазии и немецкого империализма и обещает приложить все силы, чтобы с оружием в руках принудить германских империалистов заключить почетный для обеих сторон мир. *)

Силы пролетариата быстро и неуклонно растут. Переизбранный в конце декабря, в начале января, Совет, окончательно избавляется от соглашательских элементов.

Во всех уездах начинается бурная эпоха строительства Советской власти.

Верно, еще много преград на пути у Губернского Совета, нет еще никакого аппарата, нет средств, нет достаточных сил, чтобы охватить своим влиянием всю губернию.

Революционному Комитету, выделенному Советом до созыва С'езда Советов, как органу исполнительной власти в первых числах января 1918 года приходится с помощью вооруженной силы отвоевывать от буржуазии продовольственные и другие учреждения. Ни одно ведомство, ни одно здание без боя, без сопротивления не отдается врагами трудящихся. Отделение Государ-

---

*) Журнал „Ткач" № 4, 1917 г.

ственного Банка, Казначейство, Губернское Правление и т. д., все приходится забирать после упорной борьбы.

Печать, оставаясь у буржуазии, всячески травила, осмеивала, издевалась над каждым шагом пролетарской власти. Мало того, к общему сопротивлению местного самоуправления присоединяются и служащие правительственных и городских учреждений.

Для борьбы с Советом создается, так наз., Бюро единения, в котором были об'единены:

1) союз служащих правительственных учреждений,
2) городского самоуправления,
3) продовольственной управы,
4) земские самоуправления, лесоводы, техники, юристы и т. п.

Все единым фронтом обрушились на Совет и Ревком.

8-го января это Бюро об'являет забастовку во всех учреждениях, занятых Советом. Организованный саботаж на некоторое время срывает работу по организационному закреплению власти Совета.

Но это последнее препятствие задержать темпа революции не может...

Бешеная травля, саботаж, подкопы и все ухищрения врагов не достигают цели.

В январе буржуазия сдает последние позиции ..

В руки Советской власти переходит и полуразрушенный аппарат, разваленное хозяйство и пустые продовольственные склады. Это наследство создает крайне напряженную обстановку для борьбы, но на смену гнилому буржуазному строю приходят творческие с неизмеримой энергией силы рабоче-крестьянских масс.

ГЛАВА VIII.

СТРОИТЕЛЬСТВО СОВЕТОВ.

Наступил январь и с ним началась для Совета и трудящихся новая эпоха строительства...

Страна находилась в крайне тяжелых условиях, не окончилась еще борьба с буржуазией, она перешла только в новую фазу.

Командные высоты, аппарат власти отвоевывался у буржуазии шаг за шагом, с борьбой...

На стороне Совета были крайне малочисленные силы, пролетарского революционного населения было мало, солдатская масса уже наполовину разбрелась по домам.

Революционный Комитет, которому приходилось в первое время производить ломку старого аппарата власти и организовывать Советы на местах реальной силой, имел созданную в декабре Красную гвардию, состоявшую из рабочих металлистов завода № 16 и частью рабочих текстильных фабрик. Небольшой отряд Красной гвардии был единственной реальной силой, на которую можно было опереться в случае вооруженного сопротивления буржуазии...

А последняя имела в это время в своем распоряжении кадетов местного Кадетского корпуса, имела на своей стороне офицерство и большинство интеллигенции, вооруженной после выступления гарнизона в Октябре...

В Сызрани Совет встретил тоже препятствия на пути строительства, как и в Симбирске, но там была более мощная большевистская организация.

Там были и довольно солидные силы Красной гвардии из рабочих железной дороги и станции Батраков...

Первые шаги Совета были направлены на закрепление Советской власти в губернии.

Первые организационные мероприятия Совета направлены были на взятие из рук буржуазии административных и финансовых органов.

На заседании Совета 1-13 января было решено послать комиссаров в Государственный Банк, Губернский Комиссариат, на станции Симбирск I-й и II-й, в почтово-телеграфную контору и в продовольственную управу.

При осуществлении этого мероприятия Совет столкнулся с большими препятствиями.

Всюду, куда посылались представители Совета, им оказывали сопротивление.

Управа не хотела сдавать дела, управляющий Банком тоже. Губернский комиссар тогда только ушел, когда явился отряд Красной гвардии.

Не хотелось буржуазии уходить с насиженных гнезд...

Но пришлось...

После того, как основные ведомственные аппараты очутились в руках Совета, после того, как Совету вплотную удалось подойти к руководству и перестройке их, обнаружилась весьма плачевная картина...

Буржуазия после себя оставила груды дел, но ничего ценного, чем можно было-бы воспользоваться в дальнейшем строительстве.

Полуразрушенное хозяйство города и губернии.

Безобразное положение с продовольствием и полное отсутствие материальных средств...

Особенно в области продовольствия было безотрадное положение. После приема продовольственной управы организуемый Комиссариат продовольствия столкнулся с вопиющим преступным ведением дела—за 1917 г. не оказалось никакой финансовой отчетности, система продовольственных распределительных органов была хаотична, склады пусты и никаких планов на будущее не было...

Поступление хлебных грузов катастрофически падало и если-бы не энергичные меры Совета и Комиссариата,—голод был-бы неизбежен.

В то время, как при хозяйничаньи управы хлебных грузов поступило за последние 2 месяца (ноябрь, декабрь) на губернию всего 27 вагон., то уже в январе Комиссариат Продовольствия доводит поступление до 30, в феврале до 52 и в апреле до 204 вагонов.

Но если дело плохо обстояло с продовольствием, то не лучше было и в других областях...

Совету старались передать все в состоянии полного разрушения, негодности и запустения...

Нужна была огромная энергия и много сил, чтобы наладить аппарат, организовать хозяйство, восстановить бездействующие предприятия...

Ко всему прочему к наследству буржуазии еще было приложение в виде саботирующей интеллигенции и чиновничества, которое ни за что не хотело работать под руководством „неотесанных мужиков". Саботаж служащих охватил все учреждения, перешедшие к Совету, продолжался он больше двух недель при активной поддержке и одобрении Земского Собрания, последняя сессия которого заседала с 10 по 24 января, (ст. ст.) эсеров и меньшевиков.

Забастовка была прекращена только после решительных мер, принятых Советом.

„Бюро единения", т. е. организации, руководившей забастовкой, 23 января было пред'явлено Советом требование немедленно прекратить забастовку и чиновники, не вышедшие на работу, об'являлись уволенными и лишались права поступать в советские учреждения.

Это подействовало, саботаж прекратился.

В то время, как старый аппарат власти Совету приходилось отвоевывать у буржуазия с величайшими трудностями, то, конечно, на пути создания новых орга-

нов пролетарской власти этих трудностей было еще больше.

Сам Совет окончательно реорганизовался в об'единенный Исполнительный Орган только после 5-го Губернского Крестьянского С'езда (20 января), до этого были три самостоятельных секции Совета: рабочая, солдатская и крестьянская, каждая из этих секций действовала самостоятельно и только особо важные вопросы решались на об'единенных заседаниях Исполкомов всех секций.

Сперва после захвата власти об'единились две секции: рабочая и солдатская, а затем после 5-го с'езда крестьянская секция также вошла в Исполком.

Вторым очень большим тормозом в работе по строительству была неразбериха и крайне неспокойное состояние частей гарнизона, который в последние дни декабря окончательно разложился и представлял из себя уже не опору Совета, а скорее угрозу.

Только после прибытия в город 107 Троицкого полка, который буржуазия безуспешно пыталась перетащить на свою сторону, оздоровило атмосферу в гарнизоне—эта вполне стойкая и хорошо спаянная военная единица целиком встала на сторону Совета и много способствовала делу укрепления власти и в городе и частью в губернии.

Организация комиссариатов Советом стала проводиться не сразу, многие области работы были в первое время взяты только под контроль, а аппарат оставался старый: многие сразу же пришлось заново перестраивать

18 декабря было положено основание Комиссариату Труда, созданием комиссии труда из 5 членов Исполнительного Комитета.

1 января Исполком Совета решил подчинить своему контролю ряд еще находившихся у буржуазии органов, посланы были комиссары в Продовольственную

Управу, в Отделение Госбанка, в Почтово-Телеграфную контору, на Волго-Бугульминскую дорогу, на ст. Симбирск I-й, а также в Губернское Правление.

Всюду, куда появлялись представители Совета, перед ними закрывались двери, их не пускали, не хотели разговаривать, их полномочия не признавали.

Буржуазия упорно сопротивлялась.

Совет первое время пытался действовать убеждением, но это не помогло.

Тогда были употреблены силы. Красногвардейские отряды попросту выгоняли отовсюду представителей буржуазии и аппарат перешел в руки Совета.

Эти решительные действия вызвали целый ряд протестов, клеветы и злобы в стане врагов.

Но в то-же время враждебные силы уже стали осторожнее, открытого сопротивления оказывать не решались, а пустились на другой путь — подпольного, изнутри взрыва.

Саботаж, углубления разрухи, подрыв хозяйственной и финансовой базы Совета—всеми путями, всеми способами.

В течение всего января шла напряженная организационная работа.

О строительстве еще думать было некогда. Еще не всюду был осуществлен пролетарский контроль, еще не все органы буржуазии перешли в руки Совета.

4 января Советом посылается комиссар в казначейство, но окончательное подчинение этого органа и переорганизование его в Комиссариат Финансов происходит только в феврале месяце.

Затем, в эти же дни Исполнительный Комитет приступил к реорганизации милиции.

Ликвидируется Крестьянский Поземельный Банк.

Посылается вооруженная охрана в частные Банки, все ценности которых берутся на учет.

8-го января (21 по н. ст.) выходит первый № газеты „Известия Совета".

11-го января Совет передает культурно-просветительному отделу здание общественного собрания, где уже в конце месяца открывается народный дом.

Все эти первые шаги делались еще ощупью, еще не было ясных перспектив, у Совета не было определенности и законченности в каждом новом начинании, но иначе и не могло быть.

Делались ошибки, промахи, были недочеты, но без них мудрено было-бы обойтись, полбеды было бы если бы только препятствием служила неопытность, нет . . . больше всего поступательный ход революции задерживали, вернее пытались задержать, враждебные силы— фибриканты, торгаши, „интеллигенция" и соглашатели.

Организованность у них в это время была идеальная, подножки Совету ставили всюду.

10 января собралось чрезвычайное и последнее Земское Собрание, на нем первым пунктом повестки дня был вопрос об отношении к власти советов.

На собрании организованно и сплоченно выступала вся буржуазно-соглашательская верхушка. Совет поносили, ругали, даже решили приступить к действию,— свергнуть Советскую власть

В этом деле расчеты земское собрание строило не на рабочих, а на крестьянских, кулацких элементах.

Резолюция собрания гласила:

„Принять меры к снабжению крестьянского населения производителями популярной литературы, созывать крестьянские с'езды по уездам и таким образом поднять все население на ноги" *).

Увы . . . расчеты на крестьянство не оправдались.

Всего через неделю Губернский Крестьянский с'езд полностью одобрил деятельность Совета, а земских делегатов даже не допустил на свои заседания.

*) Журнал Губ. Экстр. Земского Собрания 10-26 января 1918 г., стр. 12.

Агитация популярной литературой и среди делегатов с'езда и в уездах не помогла.

Земские организации не только не встретили доверия со стороны крестьянства, но даже к ним отношение было враждебно.

Только кулачество поддерживало земство... Оно помогло в некоторых местах даже восстановить земские учреждения. Кулачество долгое время являлось реальной силой в руках земства.

Другая сила, на которую также пыталась расчитывать буржуазия—военные части, тоже не встали на ее сторону.

В отношении военных частей земское собрание думало поступить несколько иначе, чем с крестьянством, чувствуя, что голой агитацией ничего не сделать, решено было поссорить, дискредировать перед гарнизонными частями Красную гвардию, а потом воспользоваться внесенным разладом и разогнать Совет. Для этого земское собрание решило:

„Довести до сведения полков, что Красная гвардия составляет угрозу спокойствию города и что собрание просит полки обезопасить Симбирск от этой силы, для чего выбрать делегацию для об'езда полков" *).

Об'ехать полки комиссии удалось, но... и только... Никто из частей на провоцирующее обращение земства не откликнулся и эта ставка буржуазии была бита.

Но несмотря на безнадежность всех попыток врагов свалить новую власть, все-же все это очень тормозило строительство, заставляло отвлекаться от непосредственной организационной работы и создание органов Советской власти на местах задерживалось.

У нас, как и во многих других губерниях, первые месяцы строительства Советов проходили без особых регламентированных уставов, точного плана действий

---

*) Журнал Чрезвычайного Земского Собрания 10-26 января 1918 года.

не было. Борьба не оставляла времени на долгие размышления, приходилось больше действовать, чем заниматься строгим продумыванием плана действий.

Основная схема, основной путь был, по нему и шли.

Отвоевывался клочок земли у буржуазии, и на нем начинали строить, потом двигались дальше и так, пока не оказались в руках Совета все позиции.

К 1-му февраля Губисполком сконструировал следующие комиссариаты:

1. Внутренних дел
2. Труда.
3. Народного просвещения.
4. Финансов.
5. Продовольствия.
6. Торговли и промышленности.
7. Путей сообщения.
8. Земледелия.
9. По военным делам.
10. Почты и телеграфа.

Немного позже к 15 февраля были созданы Комиссариаты: Юстиции и Призрения.

Был еще один Комиссариат без аппарата и определенных занятий—это Комиссариат по борьбе с пьянством.

Все комиссариаты об'единялись Советом Народных Комиссаров, создание которого утвгрждено было Губисполком 3/16 февраля 1918 г. *)

Совнарком свои действия, главным образом направил на укрепление самих комиссариатов и Советов на местах.

В первые дни своей работы Совнарком столкнулся с рядом препятствий,—полуразрушенное хозяйство города и губернии, полное отсутствие средств, разбитые, наполовину уничтоженные аппараты комиссариатов.

Все это требовало восстановления немедленных и решительных мер.

*) Позже в мае были созданы: чрезвычайная комиссия и ревтрибунал.

Средства добыты были на первое время наиболее радикальной мерой, т. н. „контрибуцией имущих классов".

Местные капиталисты Совнаркомом и Губисполкомом были обложены на сумму в 10.000.000 рублей. Несмотря на оказание сопротивления, путем ареста и других мер в две недели удалось собрать около 4.000.000 рублей.

Эти средства дали возможность первое время существовать и губернским и уездным советским организациям.

Первыми мероприятиями Совнаркома в области нового строительства были:

1. Конфискация типографий, кинематографов.
2. Национализация домовладений и аптек.
3. Ликвидация кадетского корпуса.
4. Распределение земельного фонда и др.

Национализация других, более крупных промышленных предприятий не была проведена полностью до весны 1918 года, только осенью уже после ликвидации Совнаркома, вся промышленность губернии перешла в ведение Совета Народного Хозяйства.

Кроме налаживания работы комиссариатов и строительства, Совету и Совнаркому приходилось вести беспрерывную борьбу с враждебными элементами и в городе и в уездах.

Кулацкое засилие в некоторых уездах приводило к захвату ими власти (восстания были в Алатыре, Ардатове, Сенгилее и Тагае), только своевременное принятие мер не давало разрастаться кулацким восстаниям до тех размеров, каких они достигали в 1919 году.

Больше всего внимания Совету приходилось уделять военному строительству—с одной стороны огромное скопление враждебных элементов в городе и в уездах и начало белого движения в Оренбургских степях

(Дутовщина)—с другой угроза германского империализма требовала создания вооруженной силы.

С февраля сперва военный Совет, потом Комиссариат приступает к созданию первых частей Красной армии, но прежде, чем эти части удалось создать, потребовалось много усилий для успешного завершения демобилизации частей старой армии, а главное, сохранения военного имущества, которое солдатами расхищалось и увозилось.

В первые дни создание Красной армии подвигалось туго, не было принято никаких мер к широкому оповещению о задачах армии, о целях, для которых она создается, не было связи с уездами и фабриками.

Постепенно связь наладилась, стала проводиться некоторая централизация, уточнение функций самого военного аппарата, но наладить формирование удалось только уже в момент борьбы, когда выступили чехословаки, началась гражданская война,—темп формирования сразу изменился и военная работа стала развиваться и в городе и в уездах.

В Красную армию потекли все новые и новые пополнения из рабочих и крестьян...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

ГЛАВА IX.

НАЧАЛО БОРЬБЫ.

В Симбирске, как и во всем Поволжьи, только еще начали закрепляться завоевания революции и оформляться советские организации на местах, как вдруг выступлением чехов все мероприятия были остановлены на полдороге.

Отсутствие пролетарской массы дало сразу себя чувствовать. Туго подвергалось формирование Красной армии. В городе и губернии преобладали враждебные элементы: буржуазия, кулачество, реакционное офицерство и „неприемлющая“ Октябрь интеллигенция.

Огромное скопление офицерства, в главной своей части, настроенного крайне враждебно к советской власти, создавало прямую угрозу выступления контр-революции в тылу.

Такова было обстановка, в которой пришлось работать советским органам в губернии, в момент чехо-эсеровского выступления.

Партийная организация была очень малочислена и насчитывала вместе с сочувствующими едва сто человек. Работников не хватало для города, а о местах нечего и говорить.

При таких условиях, на выступление чехо-словаков, местные Исполнительные Комитеты не смогли рагировать с той рршительностью, какая была необходима и, конечно, в результате последовали поражение за поражением... Наличные силы, которые имелись на местах для внешней борьбы, для отпора выступившей контр-революции, были недостаточны, резервов не было и их с первой вестью о событиях в Пензе,*) пришлось создавать наспех, формируя боевые дружины, создавая первые красноармейские части.

Первая весть о выступлении чехов была получена из Пензы, которая просила о помощи. Помощь была оказана посылкой ряда партийных работников и отряда красноармейцев.

29 мая Губисполкомом была получена телеграмма: „*Пенза об'явлена на осадном положении. Чехо-*

---

*) Где 29 мая по сговору с эсерами чехо-словаки подняли вооруженное восстание.

словаками занят Казанский вокзал Начались военные действия. Пензенский Совдеп.“

Таким образом было ясно, что эта война Не было сомнения, что враждебные силы при первой вести о чехо-словацких выступлениях поспешили воспользоваться для образования противо-советского фронта.

Десятки документов подтверждают,—как готовился и как организовался этот фронт эсеровской партией, знаем, что „вожди“ самарской учредилки не безучастия „союзников“,—перед выступлением в Пензе договаривались с чехами, звали их как „освободителей“ в Самару.

Вполне понятно, что все попытки уладить мирным путем спорные вопросы с чехами ни к чему не привели.

31 мая Губисполкомом было получено подтверждение продолжения борьбы с чехо-словаками и тех разрушений народного достояния, которое внесли чешские эшелоны.

Из Сызрани сообщалось: *„30-го мая в 15 часов эшелоном чехо-словацких войск взорван мост 272-й версты перегона Заборовка-Сызрань. Движение поездов прекращено. Поставленная чехо-словаками охрана не позволяет приступить к исправлению повреждения. Некрасов, Хлебников, Рязанцев.* *)

На другой день поступили новые сведения, еще менее утешительные. В Сызрани начались военные действия. 31-го мая у Сызранского моста через Волгу чехо-словаки. напали на отряд Красной армии, охранявший мост.

В телеграмме говорилось: *„Советские войска укрепили мост пулеметами и артиллерией удачно отражают атаки ч.-с. войск.“*

---

*) Архив Истпарта.

В это время в самой Сызрани происходили вооруженные столкновения с утра *31-го мая чехами начали пред'являться Совету ультиматумы с требованием пропуска войск с оружием на Самару* (они спешили туда по договоренности с эсерами) целый день атмосфера в городе была до крайности напряженная. К вечеру чехо-словаки с боем начали продвигаться по жел. дор. к Самаре.

Характерно, что это делалось наперекор всем заверениям и обязательствам, принятым чехо-словаками накануне. Это достаточно ярко подтверждается документами. (Накануне выступления чехов Сызранским Советом с ними был заключен договор, о сдаче оружия, подписанный чехо-словацким командованием).

Но все эти обязательства, взятые чехо-словаками, были на другой-же день нарушены. Тут, как и в других местах действия чехо-словаков направляла чья-то неведомая рука—этой рукой были эсеры.

Действия чехов будут понятны, если мы приведем отрывок из речи эсера Буршвита на одном из собраний в Самаре.—Повествуя о своем путешествии к чехословакам в Сибирь, Пензу и Сызрань, он говорил:

„В Сызрани, когда явился ко мне мальчик и привел подробные сведения расположения большевистских войск, чехи стали убеждаться, что в Самаре имеется надлежащая организация. Еще большее впечатление произвела на них присылка Бурцевым подробного плана полковника Галкина, как взять Самару. Взятие крестьянскими эсеровскими дружинами Томыловского завода, установление ими охраны моста, радушная встреча крестьян (читай кулаков В. А.) доставивших чехам провизию и все необходимое, а также восстание уральских казаков, окончательно убедило чехов, что Россия может возродиться... „И они решили взять Самару". *)

На другой день посли выступления в Сызрани чехи прорвались через мост, очистив город.

Это был последний эшелон чехов.

После прорыва чехо-словацкого эшелона через

*) „Кр. Быль" Самара, 1927 г.

Сызранский мост непосредственной угрозе подверглась Самара.

*На помощь самарцам из Симбирска были посланы ряд партийцев и несколько отрядов во главе с военным комиссаром Гладышевым. Большего Симбирск дать не мог. *).*

Незначительные еще были военные силы Советов. В Симбирске только после выступления чехов сформировался первый полк Красной армии. Это учитывали враги и спешили воспользоваться военными затруднениями Советской власти.

Тревожные дни, напряженное состояние всего среднего Поволжья, особенно отражалось на четкости работы органов власти.

Все внимание было обращено на военное дело,— на решение того военного вопроса, о котором весной 1918 года говорил Владимир Ильич.

Самара, после непродолжительного боя между чехословаками и немногочисленным самарским гарнизоном, пала.

Падение Самары еще более усилило опасность захвата рядом лежащих губерний Поволжья. Большинство защитников Самары, большинство тех отрядов, которые были посланы в помощь самарцам, погибло от руки чехов и обнаглевшей самарской буржуазии.

Часть самарских работников под обстрелом чешской артиллерии отступила в Симбирск, куда 9-го июня прибыл ревком во главе с тов. Куйбышевым.

---

*) Основные подкрепления были даны почти исключительно из Симбирска. Отсюда были отправлены два отряда во главе с военным комиссаром тов. Гладышевым в количестве 200 чел., затем Карсунский отряд 103 чел., Интернациональный отряд в количестве 102 чел. и пулеметная команда в числе 95 человек. Большинство этих подкреплений обратно не вернулось, а тов. Гладышев был впоследствии расстрелян взявшими его в плен чехами.

(Дела архива Симбирского Губисполкома за 1918 год).

Со сдачей Самары центром обороны верхнего Поволжья и формирования частей Красной армии для борьбы с чехо-словаками становится Симбирск.

С приездом Самарского Ревкома в Симбирске начинают спешно создаваться военные части для подкрепления Сызранского и Самарского фронтов: 11 июня создается отряд матросов, вливается в Красную армию первый латышский полк и формируется Симбирский полк. Вся организация коммунистов становится под ружье. 16 июня создается отряд коммунистов в количестве 204 человека главным образом из рабочих районов: (от завода № 16—84 товарища, от фабрики Акчурина—34, от фабрики Шатрова—32 и т. д.). Ряд работников выделяется для политического и командного руководства в формируемых частях.

Прибывшая в Симбирск 19 июня высшая военная инспекция во главе с тов. Подвойским дает толчок более интенсивной деятельности по организации отпора контр-революции.

Конечно, сил было все-же мало, организация частей шла не с такой быстротой, какую требовали развернувшиеся события.

Работа по организации и укреплению фронтов, выпавшая на долю Симбирской организации, проходит в чрезвычайно тяжелых условиях. Малочисленность партийной организации не дает возможности направить в военные части достаточно политических руководителей, это отражается на состоянии частей. Командный состав в своем большинстве не отвечает назначению.

Частенько офицерство, попавшее на командные должности в Красной армии, прячась под лозунгом „Долой гражданскую войну", ведет части к разложению, подрывая их боеспособность.

Подрыв работы по организации обороны, по созданию красноармейских боевых единиц—изнутри дает себя чувствовать.

Огромные массы офицерства, большею частью реакционно настроенные, кадеты ликвидированного кадетского корпуса и буржуазная интеллигенция начинают с каждым новым поражением на фронте поднимать головы. Ряд фактов подтверждает, что опасность выступления контр-революции в тылу не менее серьезна, чем на фронте.

На фронтах тоже еще нет необходимой устойчивости...

Войска на фронте почти сплошь состояли из отдельных независимых друг от друга партизанских отрядов.

Командный состав в этих партизанских отрядах тоже состоял большей частью из людей случайных, часто таких, которые пошли на фронт отнюдь не из идейных соображений. Но таких командиров все же было значительное меньшинство. Принцип выборности командиров и пережитки разложившейся царской армии-митингование по поводу отдаваемых боевых приказов—при почти полном отсутствии культурно-просветительной и организационной работы в частях—вели к отсутствию дисциплины и делали даже лучшие из частей, состоящие из фронтовиков, мало боеспособными и подверженными панике.

На фронте становится не редкими случаи измены командного состава и перехода его на сторону чехов.

Эти факты были одной из причин дальнейшего поражения Красной армии. Вторым большим недостатком в этот ответственнейший момент было отсутствие плановости и деятельности различных учреждений и организаций, это дезорганизовало военную работу и мешало правильной организации обороны. Подчас не-

согласованность приводила к весьма печальным последствиям. *).

Например, в Сызрани это привело к тому, что грузы с продовольствием в момент наиболее острого продовольственного кризиса, на глазах у всех направлялись чьей-то провокационной рукой к врагу—в Самару.

Такое положение в местах непосредственно соприкасавшихся с фронтом, вызвало ряд жестких мер, для борьбы с разгильдяйством и халатностью некоторых учреждений.

18 июня, после упорных и жесточайших боев, Сызрань переходит в руки белых.

Занятие Сызрани ставит под непосредственную угрозу Симбирск. Это заставляет удесятерить усилия по разрешению военного вопроса...

Группы противника наступали на Симбирск в четырех направлениях: Бугульминском, Сызранском, Сенгилеевском и Ставропольском.

Соответственно этому, и наши красноармейские части, действовавшие против белых, носили тогда название групп или фронтов, там был Сенгилеевский фронт, Сызранский, Ставропольский и т. д. Дело с командованием и состояния снабжения санитарной и ветеринарной части были далеко неудовлетворительно.

Один из наиболее ответственных—Сенгилеевский фронт в середине июня имел в длину не более 50 верст и тянулся от Климовки у берега Волги (левый фланг) до деревни Горбуновки, юго-западнее Тереньги (правый фланг). На нем оперировало до 10 отрядов, численностью от 10 до 250 человек.

---

*) Так, под влиянием провокацион. работы агентов учредилки, посланных под Самару, артиллерийские пехотные части из Казани в середине июня, не дойдя до позиции, возвратились обратно.

Отряды эти были следующие:

1) Казанский коммунистический отряд (до 250 человек);
2) Отряд моряков Порохова с казанской батареей при нем;
3) Симбирский отряд;
4) Первый Симбирский эскадрон;
5) Сенгилеевский отряд;
6) Самарский отряд коммунистов;
7) Самарская дружина левых эсеров;
8) Отряды металлистов;
9) Тверской коммунистический отряд.

Общее число штыков не превышало 800, сабель было от 80 до 100. Число пулеметов доходило до 20, орудий было 5.

Отряды эти находились под общим командованием тов. Гая, составившего из них один сводный отряд Самарских боевых дружин.

Таким было положение на одном из самых важных участков фронта к моменту начала операции белых на Симбирск.

Бросается в глаза малочисленность наших сил...

20 июня Симбирск об'является на осадном положении.

Партийная организация переходит на условия казарменной жизни. Опасность усугублялась с каждым днем растущей разрушительной работой контр-революции в тылу. Энергичными мерами Чрезвычайной Комиссии эта опасность отчасти ослабляется, одна из подпольных организаций белых (Комитет защиты родины) во время ликвидируется комиссией. Этот комитет уже начал проводить свое черное дело, подготовляя восстание в Симбирске. Комитет имел во многих (а в том числе и в Военном Комиссариате) учреждениях своих агентов. Найденный устав этой организации и другие документы свидетельствуют о связи ее с учредилкой.

Между тем, линия фронта все время расширяется, приближаясь по берегу Волги к Симбирску. Начинают-

ся бои под Новодевичьем (в 100 верстах по Волге от Симбирска). Фронт требует подкрепления, фронт требует свежих бойцов.

Ежедневно, переполненные до верху войсками пароход за пароходом, под звуки Интернационала отходят от Симбирских пристаней, направляясь в бой.

Численность войск растет, но нет еще самого главного—нет стойкости организации, еще нет дисциплины, нет полного сознания у всех бойцов происходивших событий.

Организация армии была далеко не совершенной, военные действия не были согласованы.

„Разведка в отрядах, пишет тов Клементьев, *) была поставлена отвратительно: ночью дозоры часто спокойно спали, походное охранение при передвижении отрядов не высылалось. Сведения о противнике большей частью получались уже после того, как он нападал врасплох, или-жо узнавались у крестьян, которые были крайне несловоохотливы, или же говорили вздор.

Оперативные планы вырабатывались единолично командующим, имевшим при себе карту-девятиверстку старого издания, что было, конечно, недостаточным при незначительном протяжении фронта. Часто пункт, отмеченный нами на карте не мог быть занят нами по той простой причине, что время изменило характер местности и там, где прежде был лес, теперь оказывалось пустое пространство или засеянное поле".

Все это осложняло ведение операций, особенно в партизанской войне, с приемами которой мало кто был знаком до того времени.

Ведя операции, приходилось учиться на основании опыта совершенных ошибок.

Тем не менее, бодрый, воинственный дух, все время поддерживаемый коммунистами и командирами в партизанах, преодолевал все препятствия и, несмотря на недостаточную еще стойкость и наклонность к панике при первой же тревоге, все-же в отрядах царила

---

*) Годовщина I-й Рев. Армии. ГИЗ 1920 г., стр. 83.

относительная боеспособность и имелся пaступательный порыв.

В Симбирске формируются основные кадры первой армии, командование которой поручается тов. Тухачевскому. Эта армия через жесточайшие сражения формируясь буквально под обстрелом врага, вписала лучшие страницы в историю гражданской войны.

Об'явленный в июне призыв 4-х годов и создание новых частей требует новых кадров комсостава.

Об'является мобилизация офицеров...

В большей своей массе, мобилизованный комсостав приносит огромную пользу, внеся в армию элементы дисциплины и организации.

Обстановка на фронте в первых числах июля начинает меняться, почти во всех направлениях продвижение чехо-славацких войск задерживается и восстанавливается некоторое равновесие. Наши войска подступают уже к Сызрани и бои идут под самым городом.

Нужны были колоссальные запасы сил и энергии, чтобы достигнуть этих первых, правда, еще незначительных успехов. Ряд решительных мер со стороны тов. Тухачевского и Симбирского Губисполкома устраняют бесчисленные препятствия, тормозившие работу по обороне. Налаживается связь со всеми участками фронта, устраняется всякая возможность белогвардейских заговоров в тылу. В результате этого *9-го июля приходит сообщение о взятии Кр. армией Сызни и Бугульмы.*

Взятие Сызрани должно было-бы ознаменовать собой уже более определенный перелом на фронте, но совершенно неожиданное событие всю работу, все достижения и победы сводит на-нет.

В самом центре руководства военными операциями—в Реввоенсовете фронта совершается предательство.

Главком фронта левый эсер, полковник Муравьев, заранее подготовив изменническое высту-

пление, восстает против той власти, волей которой он был поставлен на ответственный пост командующего фронтом.

ГЛАВА X.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО МУРАВЬЕВА.

Предательство Муравьева—это история нескольких часов, но в то же время событие, имевшее огромное значение, событие, изменившее равновесие на фронте и отдавшее в руки врагам ряд городов среднего Поволжья.

Днем 11 июля неожиданно для Губисполкома в Симбирск на пароходе „Межень" со своим штабом с сопровождении еще двух пароходов с вооруженными силами (около 1000 штыков) прибыл командующий фронтом Муравьев.

Но прежде чем говорить о развернувшихся после этого с молниеносной быстротой событиях, необходимо остановиться на положении в Симбирске и тех лицах, которые имели отношение к дальнейшему ходу событий, отчасти являясь пособниками случившегося, или виновниками краха предательских замыслов Муравьева.

Симбирск после падения Самары и Сызрани, после продвижения белогвардейцев вверх по Волге, с каждым днем приобретал все более серьезное стратегическое военное значение. Это учитывало командование, это учитывали белые и его очень хорошо учел Муравьев, решив сделать его центром своей авантюры. Симбирск будучи военной базой ближайшим центром в полосе фронта, был пунктом, через который проходило большинство частей, отправляющихся на фронт из разных мест.

И вот в самый ответственный момент на самых ответственных работах в Симбирске находились лица, которые в момент Муравьевского восстания встали на

его сторону — это были местные левые эсеры, которые имели довольно сильную фракцию в Исполкоме после 6-го С‘езда Советов. В руках эсеров находились органы продовольствия, земельный и наконец Военный Комиссариат. Симбирской группой войск командовал левый эсер Иванов, ближайший помощник Муравьева в его авантюре.

Фракция большевиков в Исполкоме и вся Симбирская организация партии была крайне малочисленна- в связи с началом военных действий очень много работников было направлено на фронт. Многие уже погибли и на фронте и во время захвата Самары и Сызрани. Таким образом в момент прибытия Муравьева соотношение партийных сил было не в пользу большевиков, но как показали дальнейшие события, главная сила — рабочие дружины и почти все войска, в том числе и латышский полк, не оправдали надежд Муравьева, не пошли за ним.

Прибытие Муравьева в Симбирск ни у кого особых подозрений не вызвало, никто не ожидал грядущих событий и Губисполком, получив известие о прибытии пароходов, собрался в полном составе, чтобы встретить главкома и выяснить ряд вопросов весьма существенных, связанных с положением на фронте. Многие ждали от Муравьева решительных действий для ликвидации белых, ждали налаживания связи организации в действии отдельных воинских частей.

Подойдя к пристани, пароход „Межень“ и другие пароходы с войсками сразу становятся центром готовящегося заговора.

Муравьев, не пожелав поехать в город, пригласил к себе Губисполком, но никто к нему в первое-же время не поехал. Только весь штаб группы войск во главе с Ивановым направились к пристани.

Первые шаги, первые-же мероприятия, которые Муравьев предпринял по прибытии в Симбирск, сразу

разрушили все планы, которые строились Губисполкомом, но об этих мероприятиях не сразу узнали. После совещания с Ивановым, на пароходе Муравьев отдал распоряжение по телефону, чтобы к нему прибыл председатель Губисполкома т. Гимов и председатель ГЧК т. Левин; как тот, так и другой к нему не явились. Вместо Гимова к нему направился заместитель т. Шеленцкевич, который по прибытии, свитой Муравьева был арестован. После ареста еще ряда работников, очутившихся на пристани, дается распоряжение проделать то же самое с командующим первой армией т. Тухачевским, которого арестовывают в вагоне на вокзале Симбирск I. Приехавших на пристань членов партийного комитета постигает та-же участь. Продолжая свою „работу", Муравьев отправляет часть своих войск в город под командой своего адъютанта Чудошвили, которыми занимаются почта, телеграф, расставляются по Гончаровской улице пулеметы, а шесть броневиков по приказу Муравьева окружают Кадетский корпус, где находится Губисполком, Комитет партии и отряд коммунистов. Часам к семи вечера центральная часть города принимает вид военного лагеря. Чтобы вырвать из рук коммунистической фракции всякую инициативу муравьевские помощники выключают телефоны, а все выходы из здания Губисполкома занимаются частями, прибывшими с Муравьевым. Арестовывается, а затем под напором латышских частей, освобождается т. Варейкис—председатель комитета партии. Попутно с этими действиями Муравьев делает распоряжение, которое пришлось особенно болезненно потом почувствовать, передать телеграфное сообщение фронтам „о прекращении войны с чехами", „мир с чехами, война с Германией", возвещали его агитаторы военным частям, собравшимся в разных частях города.

Отдается также распоряжение привести в боевую готовность броневой поезд, только что прибывший

в Симбирск инаходящийся на вокзале, куда с парохода отправился Муравьев для склонения на свою сторону этой части.

Ничего не ожидавший Губисполком, вернее фракция коммунистов, т. к. многие члены Исполкома при приезде Муравьева куда-то исчезли, получив первые вести о случившемся не растерявшись предпринимает ряд мер к ликвидации авантюры. Некоторые направляются на пристань узнать более подробно о намерениях Муравьева, некоторые к воинским частям, в особенности к командам броневиков, чтобы раз'яснить им суть развернувшихся событий. Предпринимаются меры через партийцев, работающих на телеграфе о пресечении передачи предательских телеграмм.

Таким образом с получением первой вести об измене, небольшая группа коммунистов, не растерявшись, не сдав ни на один шаг своих позиций, под руководством Варейкиса приступила к борьбе с силами не только не равными, но прямо давившими своим численным превосходством. *)

Состав войск Муравьева был довольно разнообразный: тут были и матросы, и красноармейцы, и только что мобилизованные еще не обученные военному делу крестьяне, были латыши (очень мало), китайцы.

Предпринимая меры к выяснению положения и борьбе с Муравьевым, фракция коммунистов, опиралась только на горстку коммунистов военного отряда, латышскую часть и тех рабочих, кто в этот момент оказался в здании Губисполкома. Это были крайне небольшие силы и поэтому решили, вооруженного сопротивления не оказывать, а как предложил Варейкис захватить Муравьева, когда он явится в корпус...

Программа действий, которую начал выполнять Муравьев с первых шагов своего пребывания в Симбирске, требовала некоторого политического оформления

*) Ближайшее и наиболее активное участие в ликвидации Муравьевщины приняли члены организации А. Швер, В. Фрейман, Я. Звирбуль.

и Муравьев по прибытии в город решил собрать совещание своих приверженцев и всю местную организацию левых эсеров для оформления своих действий и выработки плана.

Совещание было созвано в Троицкой гостинице. *) Перед этим им было сделано распоряжение Губисполкому собраться в Кадетском корпусе и ожидать его прибытия.

На совещании с эсерами Муравьев выступил с большой речью, в которой обрисовал свою программу. Он говорил о необходимости немедленного мира с „братьями славянами“ — чехами, говорил о том, как он поведет войска на немцев, говорил о задачах, которые стоят перед партией левых эсеров, в которой он состоит сам и в заключение предложил образовать теперь же, не откладывая в долгий ящик, Поволжское независимое правительство, в котором руководящая роль должна принадлежать партии левых эсеров...

Большинство из местных эсеров эти предложения приняли, только двое или трое из присутствующих отказались от голосования.

Было ясно, что провокация и предательство оформлялось уже в определенную организацию, создание которой грозило новыми потрясениями всей Республике...

Поздно ночью кончилось совещание эсеров с тем, чтобы возобновиться в стенах Кадетского корпуса.

На улицах попрежнему стояли броневики, у почты попрежнему дежурили у пулеметов красноармейцы. Город уже спал, но центральная часть жила интенсивной лихорадочной жизнью военного бивуака.

На Соборной площади лагерем расположились матросские части в темноте вокруг корпуса мелькали огоньки папирос дежурных, в нищах окон Кадетского корпуса замаскированные глядели в улицы дула пулеметов защитников Совета, их не было видно, но в любой мо-

*) В здании городского театра.

мент по сигналу—они могли заговорить жестоким языком стали.

Но если внешне казалось, что Губисполком был в осаде, что Муравьевские планы силой оружия будут осуществлены, то на самом деле положение уже к 11 часам ночи стало меняться не в пользу Муравьева.

Броневики уже не были на стороне его, узнав о его планах, команды броневиков, решили больше не подчиняться приказаниям Муравьева. Тоже происходило в других частях; введенные в заблуждение войска, получив представление о сущности происходившего, становились на сторону Совета. Таким образом по окончании совещания с эсерами, Муравьев уже наполовину лишился той военной силы, которую он имел до этого Ничего не подозревая, он в 12 часов ночи отправился со своим ад'ютантом в исполком на заседание, тудаже пришли и эсеры.

Заседание Губисполкома в первом часу ночи в здании, окруженном броневиками и пулеметами, было необычным, самым напряженным заседанием, как говорили потом его участники.

Для Муравьева это было последнее заседание в его жизни.

Решительные, находчивые и смелые шаги фракции коммунистов сделали свое дело. Войдя на заседание в первом часу ночи, Муравьев оттуда уже не вышел живым... Через два часа в предрассветных сумерках только его труп был вынесен из Кадетского корпуса...

Муравьева не стало...Только что намеченная им программа его „Поволжская республика", его планы на задушение республики Советов—рассыпались, как карточный домик. Удар в спину был парализован.

Но это было далеко еще не все, еще были войска, преданные Муравьеву, еще были в действии его распоряжения, его приказы, цель которых—разложить фронт.

Тут-же ночью Комитет партии печатает воззвание к населению об измене и смерти Муравьева, тут-же заготовляются телеграммы на фронт.

Немедленно освобождаются все арестованные Муравьевым.

Утром город принимает уже свой обычный вид, все части переходят на сторону Совета. Целый день делегации от них осаждают Губисполком с заявлениями готовности по первому требованию отправиться на фронт.

Кончилась тревожная ночь, минула непосредственная опасность. Предательство было ликвидировано без жертв, быстро и решительно.

Верно, в центре еще не знали, что Муравьев мертв, что предательство его в корне пресечено и весь фронт облетела телеграмма за подписью тов. Ленина, в которой говорилось о том, что Муравьев сбежал из Казани, где его авантюра была раскрыта, поднял восстание против советской власти, издал предательский приказ о том, что немцами занята Орша, что нужно бросить войну с чехами, а пойти на немцев...

Совет Народных Комиссаров предлагал не выполнять распоряжений предателя.. Реввоенсовет тоже еще не знал,что Муравьев убит, но фронт был уже оповещен, военные действия не прекратились Рядовые бойцы не выполнили приказа Муравьева, зато комсостав некоторых частей, как выяснилось, вел себя крайне подозрительно и благодаря этому сразу же дела на фронте пошатнулись.

Белые, получив известие о выступлении Муравьева, ликовали. Учредилка уже мечтала о занятии Москвы, а чехи, пользуясь некоторым замешательством, начали по всему фронту наступление. Результаты измены Муравьева оказались крайне серьезными...

Приказ о мире с чехами привел к тому, что Симбирск стал под угрозу белогвардейской армии.

Фронт, как никогда, требовал новых, свежих сил требовал централизованного, умелого руководства, а муравьевщина внесла некоторое замешательство в ряды руководителей армии, некоторую заминку в выполнении намечаемых мероприятий. Ведь изменил тот, у кого были сосредоточены все планы, все нити военных действий и, естественно, это отразилось на всем..

Подкрепления фронту были даны. Но это было еще далеко не все и поражения последовали одно за другим...

15 июля Главкомом восточного фронта назначается тов. Вацетис, который рядом решительных мероприятий старается сгладить оставленное Муравьевым наследие, подтянуть фронт, остановить отступление.

В Симбирске приказом Военсовета фронта создается штаб обороны, к которому переходит все руководство укреплением города на случай наступления белых. Штабу пришлось работать недолго, всего пять-шесть дней, и конечно сделать ничего было уже невозможно...

Организованный штаб обороны начал принимать меры к укреплению Симбирска. В первую очередь со стороны Волги были выдвинуты заграждения, намечены пункты для установки батарей. Но чья-то невидимая рука творила свое предательское дело. Оборонять начали не там, где нужно было. Как потом оказалось, указания военных специалистов были разноречивы и крайне абсурдны; даже когда встал вопрос об установке батарей, то оказалось, что нет достаточного кадра артиллеристов. И вдруг, когда далеко не все было сделано, получилась неожиданная весть:

Вечером 21-го июля члены Губисполкома были встревожены раздавшейся орудийной стрельбой со стороны вокзала. Никто не мог предположить, что это белые, никто их с этой стороны не ожидал. Первые выстрелы даже многих привели к мысли, что это практическая учеб-

ная стрельба, что подтвердили запрошенные в штабе военные руководители. Но через несколько часов выяснилось, что в 10-15 верстах от города по линии железной дороги находятся белогвардейские передовые части, что линия М. К ж.-д. в нескольких местах уже взорвана и уже занята станция Охотничья (25 верст от города). Стало ясно, что город придется сдать. Все военные силы бросаются в ту сторону, но их мало, неожиданный удар создает растерянность и Губисполком готовится к эвакуации...

В ночь на 21-е июля часть отделов покидает город...

Оборонять Симбирск при создавшихся условиях было почти невозможно. Главное средство обороны—шестидюймовые орудия были расставлены на таких местах, где никакого вреда белым причинить не могли; в тот момент, когда белые наступали с южной стороны, орудия открыли стрельбу в совершенно противоположную сторону—за Волгу. Тут было определенное предательство. Бронепоезд Полупанова „Смерть или свобода" был так-же двинут по линии Волго-Бугульминской ж.-д. для обороны подступов к мосту, но оттуда наступления не последовало, опасность не грозила. Этот поезд героически бился с зашедшими к нему в тыл частями белых и почти вся его команда погибла.

Начавшийся рано утром бой под Симбирском продолжался несколько часов, но перевес оказался на стороне белых...

Под прикрытием отступающих отрядов начал эвакуироваться Исполком за отступавшими, в город вошли белогвардейские войска.

Губисполком отступил в Буинск. Здесь были организованы, отступившие в беспорядке, отдельные части.

Для продолжения борьбы, непосредственно в распоряжении командования симбирской группой войск было немного, сопротивления серьезного оказать они

не могли и после недолгого пребывания части и ис—ком перебрались в Алатырь, который с этого момента стал центром формирования новых частей первой армии, на долю которой выпала роль победоносно решить борьбу с поволжской контр-революцией.

Наступление белых на Симбирск и взятие его поставили в крайне затруднительное положение красные войска, находящиеся под Сенгилеем. Сенгилей, отстоя на 50 верст от Симбирска, вниз по Волге, не был взят белыми, но с занятием Симбирска, он оказался в кольце. Ставропольский и Сенгилеевский фронты потеряли всякое значение. На обоих берегах уже находился враг: с одной стороны (от Мелекесса) чехи, а с другой—белогвардейцы. Путь отступления к железной дороге на станцию Чафарово был отрезан. Но после жестокого боя все-же войска эти, стянувшись на линию железной дороги,—прорвались через кольцо и соединились с другими частями. Это было 27 июля. Вся операция прорыва была проведена под руководством тов. Гая. С этого, положила начало своему существованию та дивизия, под именем железной, на долю которой выпало обратное взятие Симбирска и ряда других городов на чехо-словацком фронте...

ГЛАВА XI.

ПОД ВЛАСТЬЮ УЧРЕДИЛКИ.

Власть Комуча, власть чехо-учредиловцев торжествовала...

Победные лавры чехов увенчали головы „великих мужей“ учредилки...

Пал еще один оплот Советской власти—Симбирск стал белым.

Белое движение торжественно праздновало новую победу, под глухой рокот отдаленных орудийных раскатов.

Самара, Сызрань, Ставрополь, Симбирск— стали центром „подвигов“ Чечеков, Ребенд, Фортунатовых, Лебедевых, Подвицких и др. героев чехо-словацкого учредиловского блока.

Подвиги эти являются вопиющими фактами зверской жестокости, тупой кровожадности, доходящей до садизма. Там, где ступала нога чехов, там, где взвивалось знамя учредилки, там всегда оставался кровавый след диких расправ с побежденными и сочувствующими им.

Сотни тысяч фактов об этих подвигах памятны многим.

Если перечислить факты кровавой расправы учредилки с пленными красноармейцами, коммунистами, советскими работниками, или просто сочувствующими власти рабочих и крестьян, если привести списки жертв учредилки, то это должно занять целые тома.

Рабочие больше всего и в первую очередь подвергались насилию. Расстрелы творились в городах, занимаемых чехами кряду по несколько дней.

Изуродованные труппы расстрелянных были предметом издевательства праздношатавшейся толпы обывателей.

Стены кадетского корпуса в Ульяновске, где был центр расправы „победителей“, еще и сейчас зияют впадинами от чешских пуль.

Расстреливали не всех, некоторых просто убивали, отдавая озверелой толпе из местной буржуазии, которая с особым удовольствием участвовала в облавах и поисках комиссаров*).

---

*) Кроме бесчисленных расстрелов красноармейцев, работников советских учреждений, заподозренных в большевизме, чехобелыми были расстреляны в Симбирске—комиссар жилищ Белов, пред. Трибунала Крылов, член Совета тов. Новиков. В Сызрани—пред. Совета Варламов, комиссар труда Берлинский, секретарь Совета Антонов, инструктор Красной армии Булыгин и воен. комиссар Горецкий.

Узаконенные учредилкой зверства нашли живейший отклик в „общественных“ кругах.

Буржуазия после „трудов праведных“, после расстрелов устраивала пышные торжества в честь „братьев“ чехов и „героев“ белых.

Активность ущемленных Октябрем классов и групп росла с каждым днем. „Обновленные“ Земство и Дума ввели в свой состав наиболее реакционнный элемент. Промышленники, торговцы организовались и тоже „делали политику“.

Ожило и духовенство, „широко содействуя новой власти в ее начинаниях“. И надо сказать активно: газета „Возрождение“ сообщала:

„Начальник пулеметной команды I-го Самарского отряда поручик Симков просит нас передать гражданам города следующую признательность членов отряда: приносим горячую благодарность духовенству Симбирского духовного училища и мясоторговцам за тот радушный прием, который они оказали нам после вступления нашей команды в Симбирск *).

Не обошлось и без молебствий за Учредилку и крестных ходов вокруг города „в честь освобождения от большевиков“.

Духовенство, торговцы, черносотенное офицерство, ушибленная интеллигенция образовали единый фронт. Попы молились, ходили с иконами по городу, буржуазия нежно лобызалась с чехами, ласково похлопывая „братьев-славян“ по плечу и направляя на новые „подвиги“.

Офицерство то, которое не поняв смысла Октябрьской революции, или не желавшее его понять, которое пряталось во время советской власти по подвалам, или было в „бегах“, ревностно взялось за формирование „доблестных“ частей учредиловской армии.

Дума и земство восстанавливали отмененные советской властью законы. Словом, была полная идиллия

*) „Возрождение“—Симбирск, № 6, 1918 год.

в воссоздании „добрых, старых“ порядков и укрепления на еще не остывшей от крови жертв земле, устоев „чистой“ демократии.

Прелесть этих „демократических“ порядков в первую очередь почувствовали на своих плечах рабочие и крестьяне.

Под демократическими знаменами учредилки скрывались система жестоких расправ, система контр-разведок, полевых судов, карательных отрядов.

Меньшевиетско-эсеровское влияние, направление деятельности рабочих организаций по руслу соглашательства, в первые-же дни встретило решительный отпор передовых кадров рабочих.

Учредиловские лозунги не встретили сочувствия в рабочих массах, и когда перед рабочими встал вопрос о борьбе за завоевание революции в области трудового законодательства, то всякие иллюзии об учредиловском „рае“—исчезли.

Рабочие конференции были первым шагом в начавшейся борьбе рабочих с чехо-белыми—с буржуазией...

Симбирская рабочая конференция, собранная с величайшими трудностями, констатируя крайне тяжелые правовые условия существования и труда рабочих, решила создать Совет рабочих депутатов.

В резолюции, вынесенной конференцией (в Симбирске) по текущему моменту (пункт 3) говорилось: „*Восстановление и сохранение Совета рабочих депутатов, как органа политического сплочения рабочего класса, прямо необходимо*“. В ответ на это решение буржуазная и кадетская пресса отозвалась бурей негодования.

Несмотря на все попытки эсеровских и меньшевистских вождей направить решения рабочих организаций по „верному политическому руслу“, рабочие твердо заявили, что им с Учредилкой не по пути.

Констатировав продолжавшиеся произвольные расстрелы, самосуды и аресты, Симбирская конференция единогласно постановила:

„Предложить комитету членов учредительного собрания принять самые решительные меры против ни на чем не обоснованных арестов и самосудов и в особенности самочинных расстрелов и расстрелов „вообще“ *).

Конечно конференцию не послушали, расстрелы продолжались, а рабочие организации стали зажиматься в еще более крепкие тиски.

Трудовые нормы, трудовое законодательство, тарифы, коллективные договоры, о сохранении которых „впредь до особого распоряжения“ возвещала учредилка, фактически были сведены на-нет, фактически перестали существовать.

Таким был рабочий вопрос при Учредилке. Каждый удобный случай буржуазия использовала для того, чтобы свести на-нет завоевания трудящихся и экономическим гнетом и жестокими мерами, как например расстрел иващенковских рабочих, стремилась задушить всякие попытки протеста.

На одном из митингов в Самаре один из руководителей Комуча-Климушкин, говоря о позиции рабочего класса, признался:

„По мере борьбы с большевиками мы убеждались все более и более, среди рабочих нельзя было найти для себя сил... рабочие нас совершенно не поддерживали“... **)

Рабочий класс, по признанию самих-же учредиловцев, не пошел с ними...

Но другая база, из которой хотели черпать силу учредиловцы, на которую ставились эсерами большие ставки—крестьянство, тоже было не с ними.

*) „Возрождение“ № 8, Симбирск 1918 год.
**) „Красная Быль“ № 3. Самара 1924 г.

Бесчисленные факты крестьянских волнений, крестьянские восстания, провал призыва в деревне, отказ от уплаты сборов и налогов и т. д. и т. д.

Деревня определенно не пошла за знаменем учредилки. Ни агитационные налеты, ни экзекуции „местными“ средствами и с помощью карательных отрядов, не помогали делу.

Анкетная разведка эсеров в деревне дала прямо таки убийственные для власти результаты, почти единогласно все сходы крестьян считали: *„Вся земля должна перейти трудовому народу без выкупа, а власть Советам:“* *)

На ряду с карательными отрядами крестьяне частенько встречали и попытки реставрации восстановления помещичьего господства.

Выступления помещиков с претензиями на прежние права были далеко не единичными. „Помещик прет“— говорили крестьяне.. „Какая тут власть, коли землю хотят отнять... барская затея“...

Реставрационных поползновений не скрывали, о них писали, еще больше говорили... а учредилка жалко провозглашала незыблемость законов о земле, принятых Учредительным собранием, но мер к пресечению безобразий, к обузданию помещичьих аппетитов не принимала почти никаких.

„Крестьяне прифронтовых мест не решаются мобилизовать—писала „Возрождение“—дело затрудняется также—выступлением черносотенцев бывших помещиков, например Репьевской и Поповской волостей (Сызранский и Сенгилеевский уезд), которые грозят возвратом к старому.“ **)

А таких фактов было не мало. С каждой победой белых войск помещик наглел и окрылялся надеждами...

Показателем позиции крестьянства был призыв в Народную армию.

---

*) См. газету „Земля и Воля“ № 124. Самара, 1918 год.

**) „Возрождение“ № 5.

Призыв почти повсеместно на территории учредилки провалился, несмотря на содействия кулаков, агитацию и карательные отряды. Вот факт, иллюстрирующий отношение крестьян к призыву:

„В селе Анненкове, Симбирской губернии, на сельском сходе постановили не давать в народную армию ни людей, ни лошадей.“

И как известно из этих сел до сих пор не поставлено ни одного человека, ни одной лошади,“—сообщала симбирская белая газета. *)

Это только оффициальные из белых газет сведения, а сколько их было скрыто, затушевано...

Крестьяне не только не шли в Народную армию, но они зачастую и не признавали органов новой власти. Зачастую в селах, находящихся в глубоком тылу у белых, продолжали существовать Советы, а иногда рядом с советами и земства. Классовое расслоение деревни было налицо—кулаки сидели в земстве, а бедняки отстаивали Советы.

„По поступающим сообщениям-писала газета „Возрождение“—в некоторых волостях Сызранского уезда на ряду с волостным земством продолжают существовать „советы,“ в других же „большевистские советы“ переименовывались в волостные земства“... **)

В то время, как все начинания власти проваливались и сам строй трещал по всем швам и с каждым днем в рабоче-крестьянских массах росло недовольство, доходившее до восстания. В конце-концов рабоче-крестьянский тыл белой власти с помощью красного фронта сбросил—уничтожил эсеров и буржуазию.

**) „Возрождение“ № 37 Симбирск, 1918 год.
**) „Возрождение“ № 17. Симбирск, 1918 г.

ГЛАВА XII.

ОТ ПОРАЖЕНИЙ К ПОБЕДАМ.

Когда части белой армии и чехи, воспользовавшись предательством Муравьева, сорвавшим наши операции на Сызранском и Сенгилеевском фронтах, заняли Симбирск, положение Красной армии стало с каждым днем ухудшаться, численное и качественное превосходство было на стороне чехо-белых войск.

Положение на всем фронте к первым числам августа резко изменилось.

Отступив от Симбирска утром 21 июля, части Красной армии правобережной группы сосредоточились в районе Буинска.

В то время, как под Симбирском происходил бой, в то время, как в город вступали белые войска, Сенгилей и Новодевичье еще были в руках Красной армии. С сдачей Симбирска, они попали в крайне критическое положение, охваченные кольцом войск неприятеля.

Жестокими боями пришлось этим частям Красной армии прокладывать себе путь на соединение с другими отступавшими частями.

Только 27 июля Сенгилеевской группе войск, под командованием тов. Гая, удалось прорваться к станции Чуфарово и Майна и войти в связь с командованием I-ой армии.

В это время в районе Глотовка-Шарлово М.-К. ж. д. находился отступивший после сдачи Симбирска отряд, брошенный на помощь защитникам города.

В эти дни все силы Красной армии были в районе Симбирска. Фронт с каждым днем все приближался к Казани. Взяв Симбирск, чехи и белые после кровавой расправы в городе, 3 августа повели наступление по правому берегу Волги.

В это время республика переживала самые тяжелые дни...

Ленинградский пролетариат буквально голодал, получая по $^1/_8$ фунта хлеба на едока. Не лучше было и в Москве...

Транспорт на 50% лишился своего подвижного состава.

Зловещие признаки голода с каждым днем росли...

Пользуясь напряженным моментом, затруднениями с продовольствием, пользуясь недовольством части населения, контр-революция напрягала все усилия, чтобы расстроить тыл Красной армии.

Восстания вспыхивали одно за другим то в одном, то в другом городе. Интервенты слали подкрепления своим друзьям на все участки фронта.

Но чем больше становилось затруднений, чем тяжелее была борьба, тем сильнее становилось желание победить.

Несмотря на голод, отсутствие обмундирования, нетопленые помещения казарм, несмотря на все это, пролетарии Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска и др. рабочих центров массами шли в Красную армию.

Армия пополнялась тысячами лучших бойцов из рабочего класса, а за рабочими шло беднейшее крестьянство.

В то время, как кулачество встало на защиту демократической контр-революции ..

Вот этот под'ем, этот энтузиазм революции, рожденный в муках, голода, лишений и кровавой борьбы, в этот момент был тем решающим стимулом, который привел впоследствии к победе.

Усталость от войны была преодолена, когда к горлу революции был поднесен нож.

Но перестройка и укрепление армии совершались не сразу. Много жертв, много усилий было положено, чтобы создать перелом. Под непрерывным огнем белых, отбивая бесчисленные атаки, создавались новые, не знавшие уже поражения полки.

10 сентября Красная армия, опрокинув чешские и белогвардейские войска, вступила в Казань

В неописуемой панике совершала свое отступление контр-революционная армия, а с ней и буржуазия.

Перелом совершился. От поражений восточные армии перешли к победам. Началась новая эпоха в истории Красной армии, в истории гражданской войны— эпоха побед, подвигов, героизма.

В первых числах сентября тов. Тухачевский телеграфировал тов. Троцкому: «Двенадцатого Симбирск будет взят.»

И обещание было выполнено в срок.

Сформированные после отступления от Симбирска и прорыва на Сенгилеевском фронте, части Симбирской группы были сведены в Симбирскую железную дивизию первой армии.

Свое название дивизия оправдала. Под командой тов. Гая дивизия выдержала напор белых в бесчисленных боях под дер. Отрадой, Погребами, ст. Охотничья и рядом других пунктов Симбирской губернии.

Дивизия сдержала движение чехов вглубь губернии, не пустив их дальше двадцати—тридцати километров от города.

9 сентября дивизия перешла в решительное наступление, а двенадцатого, отбросив врага на левый берег Волги, заняла Симбирск.

Темной сентябрьской ночью нагруженные узлами бледные, полусонные „правители“ покидали насиженные гнезда, покидали белый Симбирск, некоторые навсегда, некоторые, чтобы потом раскаявшись вернуться.

Зловеще пылали за городом какие-то строения, панически неслись грузовики. Надрывно рыдали гудки пароходов.

Город пустел. Пустели особняки, пустели штабы, пустели канцелярии учредиловских „департаментов“.

Предсмертные судороги сковали белый Симбирск.

Наступила агония.

Вышедшая накануне сдачи города белая газета возвещала, что „на Шипке все спокойно“, что никакой опасности городу не угрожает и т. д. и т. д.

А под вечер грозные орудийные залпы, как бы в противоречие белым щелкоперам, все приближались и приближались, все гремели и гремели настойчиво, сурово, непрерывно.

А утром, когда еще последние буржуа метались по улицам в поисках подвод, рабочие уже встречали бойцов железной дивизии... там, за городом.

При первом же натиске дивизии панически бежал белый штаб, бежали „герои“ чехи, бежали артиллерия, офицеры, бежали все прихлебатели учредилки.

Волга огласилась воплями спасающихся, а с горы пулемет тов. Гая уже сыпал стальной дождь на голову белых.

Этот буквально со сказочной быстротой сделанный маневр в три дня в корне изменил положение на фронте.

Тухачевский сдержал слово.

Все наступление и взятие города продолжалось всего три дня с 9 го по 12 е сентября.

Фронт, имея в центре Симбирскую ветку железной дороги, крайними флангами захватывал деревни: на левом—Прислониху, на правом Игнатовку.

Противник всюду оказывал упорное сопротивление но железная дивизия Суворовским натиском гнала безостановочно белых.

В первый день взяты были села и деревни района Прислониха, Игнатовка.

Второй день ознаменовался взятием деревень и сел района Тетюшское-Елшанка, Баратаевка, Ключищи, Кременки и Шумовка.

На третий день к 10 часам войска железной дивизии подходили уже к железнодорожному мосту на Свияге (в 6-7 километрах от города.)

Отступающий противник намеревался разрушить мост через Свиягу, но подоспевшая пехота Красной армии выстрелами отогнала его.

В это время белые выставили инструкторский батальон в Винновской роще, чтобы встретить красноармейцев, наступавших из Кременок, но войска со стороны Свияги зашли в тыл батальону и он был истреблен почти поголовно.

Наибольшее сопротивление противник оказал при подступе к городу в деревнях района: Баратаевка-Отрада, Белый Ключ.

Защищать Отраду был выставлен отряд чуваш, мобилизованных накануне белыми.

Под Симбирском были выставлены против Железной дивизии следующие части войск: инструкторский батальон, сербский отряд, конница, чешские роты, три аэроплана, 2 батальона второго симбирского полка 2 батареи тяжелой артиллерии, 2 броневика с тяжелыми орудиями и 4 батареи легкой артиллерии.

Войска железной дивизии окружили город с трех сторон, оставив противнику свободный путь—лишь переправу через Волгу.

Бой продолжался недолго.

В 12 часов дня 12 сентября войска Красной армии вошли в город Начальник железной дивизии тов. Гай, опередив пехоту первым появился в автомобиле на Старом Венце.

В это время различные части войск белых поспешно стягивались со всех сторон города под гору к железнодорожному мосту и перевозу.

Насколько спешно отступали белые видно из того, что на правом берегу ими был оставлен весь обоз и артиллерия, 4 тяжелых орудия белые бросили в Волгу.

В ночь на 13 сентября белые были выбиты с Верхней Часовни и в панике бежали к Мелекессу.

Так и был осуществлен этот первый удар по войскам учредилки.

Поражением белых под Симбирском и Казанью был вынесен приговор всему делу контр-революции в Поволжьи.

Взяв Симбирск, железная дивизия пошла дальше; *через несколько дней от белых очищаются: Тетюши, Сенгилей, Буинск и Ставрополь.*

Но нанесенное белым поражение на этом участке фронта еще не отбило охоту у них продолжать борьбу.

16 сентября, получив подкрепление и сорганизовавшись, белогвардейцы и чехи начинают вести наступление на Симбирск по линии Волго-Бугульминской железной дороги.

Сломив сопротивление наших частей, посланных на прикрытие подступов к городу, белые захватывают все ближайшие станции железной дороги, подходят к заводу и начинают обстрел Симбирска.

Снова началась борьба...

Четыре дня отчаянного натиска и небывалого сопротивления...

Четыре дня грохота орудий и непрерывного треска пулеметов...

Только Волга отделяла стороны, только мост был связующим звеном...

На одной стороне тысячи белых, на другой часть железной дивизии...

Белые наседали. Чувствовалось какое-то исступленное упорство. Хоть на день, хоть на час взять город, чтобы еще раз дико поглумиться над случайными жертвами, чтобы хоть немного отомстить за свое поражение в бессильной злобе и бешенстве.

Четвертый день бешеной атаки и упорного сопротивления...

Дождливые тучи нависли над Волгой, пустынной, серой, неприглядной...

По венцу Симбирской горы ровными рядами окопы, в центре города на площадях—орудия, шестидюймовки, трехдюймовки...

Последний отпор... Последний экзамен...

Где-то стрекочут пулеметы, рвутся шрапнели...

Свирепый осенний ветер доносит смутный гул с той стороны.

Вокруг орудий толпятся артиллеристы, в стороне глазеют обыватели, зажимая уши от беспрерывной пальбы...

Ныряя в нависших облаках, кружится самолет. Вечереет...

Стихает канонада. Изредка врывается минутная паническая трескотня пулемета, потом снова тихо.

Нет... Где то опять ухнуло орудие, другое, третье...

Темноту прорезывают снопы пламени...

Над Волгой вырастает огненная полоса, все увеличивается, ползет кверху. . Горят баржи...

На утро белых не стало... Опустел правый берег... Умолкли орудия...

Родину Ленина бойцы железной дивизии не сдали на новое глумление „демократическим" палачам.

Армия державной учредилки ушла побитая, жалкая, как сама идея, вызвавшая ее к жизни...

Железная воля бойцов железной дивизии победила...

Только взорванный отступившими мост, только разрушенные бараки завода и взрытые кое-где снарядами улицы оставили следы недавнего боя.*)

4 октября белые бежали из Сызрани, когда основные силы железной дивизии были еще далеко. Белую армию охватила паника. Она уже не отступала, а бежала при одном только появлении красных войск.

*) Из воспоминаний участников обороны Симбирска.

8-го октября части 4-ой армии вошли в Самару, а за ними вошла и железная дивизия. Учредилка перекочевала в Уфу. „Народная“ армия, как реальная сила, перестала существовать...

Четыре месяца гражданской войны в нашей губернии, четыре месяца поражений и побед выковали из небольшой по численности армии, стальные полки.

Симбирск, Сенгилей, Сызрань и друг. города впервые вызвали к бурной активной борьбе сотни и тысячи бойцов рабочих и крестьян.

Здесь начали формироваться первые рабочие полки. Из рабочих и крестьян Симбирской губернии было создано ядро железной дивизии. Здесь совершили свои бессмертные подвиги—начальник бронепоезда Полупанов, здесь выступила на арену гражданской войны командующий армией, разбивший Сибирские полчища черной колчаковской реакции—тов. Тухачевский.

С Сенгилеевского фронта начал свои подвиги тов. Г а й.

Поволжье впервые узнало великого Чапаева, всего от земли, всего от того, что было лучше в крестьянстве, чей полупартизанский отряд, оперировавший в Пугачевском уезде, Самарской губернии, наводил безумный страх на чехов и на белогвардейцев...

Под Казанью в бесчисленных схватках врагов впервые выступила на восточном фронте легендарная волжская флотилия.

Бесчисленные великие события этой эпохи, вызвавшие к жизни и к победам Красную армию...

Уходит вперед жизнь, сменяются события, уходят и люди—участники, свидетели эпохи, а многое, многое остается не рассказанным. Многое скрывают от нас громоздящиеся друг на друга годы, несущие с собой все новые и новые факты побед на пути к социализму.

И с каждым днем все сказочнее, все легендарнее становятся те, уже далекие, далекие дни 1918 года...

Цена 25 коп.

